

Майкл Коннелли
Черный ящик
Серия «Гарри Босх», книга 18

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747758
Коннелли, Майкл. Черный ящик : [роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-082535-6

Аннотация

В 1992 году во время беспорядков в Лос-Анджелесе застрелили датскую журналистку. Тогда это преступление так и не удалось раскрыть.

Четверть века спустя Гарри Босху поручают возобновить расследование.

Он убежден: в каждом деле есть свой «черный ящик» – улика, позволяющая понять, что же произошло. Но может ли стать таким «черным ящиком» гильза, оставшаяся на месте преступления? Если да, то Босху удастся не только раскрыть давнюю гибель журналистки, но и связать ее дело с недавним жестоким убийством...

Содержание

Белоснежка	5
Часть первая	17
Глава первая	17
Глава вторая	22
Глава третья	28
Глава четвертая	34
Глава пятая	40
Глава шестая	46
Глава седьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Майкл Коннелли

Черный ящик

Посвящается всем читателям, которые помогли Гарри Босху продержаться целых двадцать лет. Огромное вам спасибо.

И тем людям, что оттеснили толпу и провели меня сквозь нее в памятный день 1992 года.

Вам тоже – моя глубочайшая признательность.

Michael Connelly
THE BLACK BOX

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Hieronymus, Inc., 2012

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers

Белоснежка 1992

К вечеру третьего дня погибших стало уже так много и их количество росло столь стремительно, что некоторых оперативников из отделов убийств районных полицейских участков пришлось срочно отозвать с «передовой», где шло сражение с бунтующими толпами, и перебросить на срочные задания в Южном Централе. Детектив Гарри Босх и его напарник Джерри Эдгар были выделены голливудским участком для создания особой мобильной следственной группы, в которую для обеспечения прикрытия включили двух вооруженных патрульных полицейских. И теперь их по мере необходимости могли вызвать в любую точку, где обнаруживался новый труп. Состоявшая из четырех человек бригада перемещалась на черно-белом патрульном автомобиле от одного места преступления к другому, нигде не задерживаясь надолго. Конечно, это мало походило на полноценные расследования убийств и даже близко не приближалось к их нормальной работе, но они делали все, что было в их силах, учитывая сюрреалистические обстоятельства, поскольку действовать приходилось в городе, который трещал по швам и грозил рассыпаться в прах.

В Южном Централе шла настоящая война. Повсюду полыхали пожары. Мародеры старыми перемещались от магазина к магазину. Чувство собственного достоинства и общепринятые понятия о морали улетучились вместе с дымом, столбами поднимавшимся в небо. С наступлением ночи в Южном Лос-Анджелесе правили бал уличные банды, заключившие временное перемирие, позабыв о междоусобицах, чтобы совместно выступить против властей.

Погибли уже пятьдесят человек. Владельцы магазинов стреляли в мародеров, национальные гвардейцы стреляли в мародеров, мародеры стреляли в мародеров, но были и другие – подлинные убийцы, под прикрытием хаоса и гражданских беспорядков сводившие старые счеты, не имевшие никакого отношения к тому, что творилось на улицах, затопленных яростью и другими необузданными эмоциями.

Двумя днями ранее расовые, социальные и экономические проблемы, подспудно зревшие в недрах города, вырвались на поверхность подобно извержению вулкана. Суд по делу четырех офицеров полицейского управления Лос-Анджелеса, обвиненных в чрезмерной жестокости при избиении чернокожего водителя, арестованного за превышение скорости после долгой погони, закончился оправдательным приговором. Оглашение вердикта, вынесенного присяжными в здании суда на другой окраине города, расположенной в сорока пяти милях от Южного Лос-Анджелеса, вызвало там тем не менее мгновенную и бурную реакцию. Небольшие поначалу группы озлобленных людей стали собираться на каждом перекрестке, возмущаясь столь вопиющей, по их мнению, несправедливостью. И очень скоро крики переросли во вспышки насилия. Вездесущее телевидение не мешкая подняло в воздух вертолеты, чтобы передавать эти сцены в реальном времени в каждый дом города, а затем – и по всему миру.

Полицейских события застали врасплох. Начальника управления тогда даже не было в «Паркер-центре»¹. Когда в суде оглашали приговор, он выступал невесть где с политической речью. На рабочих местах не оказалось ни одного из командиров. В их отсутствие никто не пожелал взять руководство на себя, но, что было хуже всего, личный состав проявил полнейшую апатию, не придя на помощь горожанам. Полиция бездействовала, и, не встречая сопротивления, насилие прокатилось по городу лесным пожаром, во всех деталях воспро-

¹ Здание, где располагалась штаб-квартира полиции Лос-Анджелеса до 2009 года. – *Здесь и далее примеч. пер.*

изведенное на телевизионных экранах. Не потребовалось много времени, чтобы ситуация стала полностью неуправляемой и запылали первые дома.

Два вечера спустя едкий запах паленой резины и обращенных в пепел людских надежд пропитал все вокруг. Пламя тысячи пожаров в дьявольском танце плясало на фоне черного неба. Выстрелы и полные звериной ненависти выкрики неслись вслед патрульной машине. Но четверо сидевших в автомобиле с бортовым номером и позывным «6-Кинг-16» не реагировали и останавливались только там, где произошли убийства.

Была пятница, 1 мая. Их особая группа предназначалась для ночной работы. Дежурство начиналось в шесть вечера и официально заканчивалось в шесть утра. Босх и Эдгар заняли заднее сиденье, а патрульные Роблето и Делуин расположились впереди. Сидевший на месте пассажира Делуин держал ружье на коленях, направив ствол под углом вверх, чтобы его конец торчал в открытое окно.

Сейчас они ехали к месту обнаружения очередного тела – переулку, ответвлявшемуся от бульвара Креншо. Информация поступила в центр экстренной связи от калифорнийских национальных гвардейцев, дислоцированных в городе на время чрезвычайного положения. Часы показывали только половину одиннадцатого, а сигналы продолжали поступать и накапливаться. С начала смены их группа уже успела поработать на месте одного из убийств – жертвой пал мародер, подстреленный при попытке проникнуть в дисконтный обувной магазин. Стрелял в него владелец заведения.

Поскольку место преступления ограничивалось пространством магазина, Босх и Эдгар работали в относительной безопасности под охраной вооруженных Роблето и Делуина, в полном защитном снаряжении занявших позиции перед входом. К тому же у сыщиков оказалось достаточно времени, чтобы собрать вещественные доказательства, начертить схему происшествия и собственноручно сделать фотографии. Они записали показания владельца магазина и просмотрели видеозапись с камеры наблюдения. На ней было видно, как мародер, орудуя алюминиевой битой для софтбола, разбил стекло входной двери. Потом нырнул в образовавшуюся дыру, но, не успев подняться, получил две пули от хозяина, который затаился за стойкой кассы и выжидал.

Медики из судебно-медицинского отдела не справлялись с многократно выросшим объемом работы, и потому труп на «скорой» доставили в окружной морг при клинике Университета Южной Калифорнии. Там он пробудет до тех пор, пока все не успокоится – если это вообще когда-нибудь случится, – и тогда, возможно, у врачей дойдут руки до положенного вскрытия.

Что же касалось стрелявшего, то Босх и Эдгар не стали брать его под стражу. Пусть работники окружной прокуратуры решают потом, было ли это необходимой самообороной или хладнокровным убийством из засады.

Поступать так не позволяла ни одна должностная инструкция, но сейчас с этим приходилось мириться. Среди царившего повсюду бедлама их миссия сводилась к самому элементарному: собрать улики, составить протокол, причем как можно быстрее, и убедиться, что труп доставлен куда следует.

Приехали, оперативно сработали и отправились дальше. Главное – самим остаться в живых. Настоящее расследование проведут позже. Может быть.

По пути на юг в сторону Креншо им то и дело попадались скопления людей, в основном молодых мужчин, маячивших на перекрестках или группами направлявшихся куда-то. На углу бульвара Креншо и Слосон-стрит толпа, в которой преобладали цвета уличной банды «Крипс», мгновенно завелась при виде полицейского автомобиля, двигавшегося на большой скорости без sireны и других спецсигналов. Вслед машине полетели бутылки и камни, но она мчалась слишком быстро, чтобы эти «снаряды» могли причинить ей вред, лишь усыпав мостовую осколками позади нее.

– Мы еще вернемся, ублюдки! Вот увидите! – выкрикнул Роблето. Босх считал это проявлением чрезмерной горячности. Угроза со стороны молодого патрульного прозвучала столь же беспомощно, сколь выглядели действия городской полиции с того момента, как в среду днем по телевизору показали судью, зачитывавшего текст оправдательного приговора.

Роблето, который вел машину, стал притормаживать, только когда показался пост Национальной гвардии, блокировавший улицу своими грузовиками. Гвардейцам была поставлена задача взять под контроль основные уличные узлы Южного Лос-Анджелеса, чтобы затем постепенно расширять свою зону, подавляя очаги сопротивления. Вот и сейчас они находились менее чем в миле от одного из таких стратегически важных скрещений городских магистралей – Креншо и Флоренс, а солдаты и бронетранспортеры Национальной гвардии уже продвинулись от перекрестка на несколько кварталов по всем направлениям. Остановившись у баррикады рядом с Шестьдесят второй улицей, Роблето опустил стекло со своей стороны.

Гвардеец с нашивками сержанта подошел к двери и склонился, чтобы разглядеть, кто сидит в машине.

– Сержант Берстин из Сан-Луис-Обиспо. Чем могу вам помочь, парни?

– Отдел расследования убийств, – ответил Роблето, ткнув пальцем себе за спину, где сидели Босх и Эдгар.

Берстин распрямылся и, жестом приказав расчистить путь для проезда машины, сказал:

– С прибытием. Она в проулке между Шестьдесят шестой и Шестьдесят седьмой улицами. Проезжайте дальше, и мои ребята покажут вам дорогу. Мы же замкнем периметр и будем держать под наблюдением крыши. Поступили не подтвержденные пока сообщения, что в окрестностях орудуется снайпер.

Роблето поднял стекло и повел машину дальше.

– «Мои ребята...» – передразнил он Берстина. – Этот тип в обычной жизни, должно быть, какой-нибудь учитель или что-то в этом роде². Я слышал, что среди этих доблестных воинов нет ни одного уроженца Лос-Анджелеса. Их собрали с бору по сосенке со всего штата, но только не из самого города. Ни один без карты не доберется даже до Леймерт-парка.

– Два года назад ты бы и сам туда не добрался, приятель, – напомнил ему Делуин.

– Пусть так. Но этот деятель ни хрена не ориентируется в городе, а ему вроде как поручено здесь всеми командовать. Чертов воскресный вояка! Я просто хочу спросить, на кой дьявол нам сдались эти парни? Что теперь скажут о нас? Что мы не совладали с ситуацией и пришлось звать на подмогу настоящих профессионалов из Богом забытого Обиспо?

Эдгар откашлялся и подал голос с заднего сиденья:

– Если ты сам еще не понял, то могу сообщить тебе новости. Мы действительно не совладали с ситуацией, и ничто уже не испортит нашу репутацию больше, чем мы сами испоганили ее в среду вечером. Мы отсиживались и ничего не делали, позволив спалить полгорода, вот что я тебе скажу. Или ты не видел, какого дерьма наснимали телевизионщики? Хоть один из наших вмешался и надрал задницы паре этих головорезов? Так что не надо возмущаться, что прислали каких-то учителей из Обиспо. В этом виноваты только мы сами.

– И все равно обидно, – сказал Роблето.

– Что у тебя написано на борту машины? «Служить и защищать!» – добавил Эдгар. – Мы не сумели сделать ни того ни другого.

Босх отмалчивался. Не потому, что не был согласен с напарником. Их управление опозорилось по полной программе, не сделав ничего, чтобы задушить беспорядки в зародыше.

² Национальная гвардия США – это своего рода ополчение, состоящее из резервистов, периодически проходящих боевую переподготовку, но не являющихся кадровыми военнослужащими.

Но мысли Гарри занимало сейчас другое. Его поразило местоимение «она», которое сержант употребил, говоря о жертве. Прежде они не знали, что это женщина, и, насколько Босху было известно, представительницы прекрасного пола среди убитых до сих пор не числились. Это, разумеется, не значило, что те не принимали самого активного участия в охватившем город разгуле беззакония. Среди мародеров и поджигателей не наблюдалось особого неравенства по половому признаку. Босху уже доводилось наблюдать, как дамочки занимаются и тем и другим. Прошлой ночью он участвовал в операции по сдерживанию толпы на Голливудском бульваре и своими глазами видел, как растаскивали товар из «Фредерикса» – знаменитого магазина нижнего белья. Добрую половину мародеров составляли именно женщины.

Но фраза сержанта все равно заставила его задуматься. Какая-то леди влезла в этот хаос и поплатилась жизнью.

Роблето между тем миновал открытую для него нишу в баррикаде и направился к югу. Миновав еще четыре квартала, они увидели солдата, подававшего сигналы фонариком, указывая им в пространство между двумя магазинами с восточной стороны улицы.

Если не считать гвардейцев, занявших посты с интервалом в двадцать пять ярдов, на Креншо не было больше ни души. Здесь царила жутковатая неподвижная темнота. Ни в одном из заведений, расположившихся по обе стороны бульвара, не горел свет. Многие из них успели разгромить мародеры и поджигатели. Но некоторые чудесным образом уцелели. А кое-где на фасадах вывели краской из баллончика: «Владелец – чернокожий» – жалкая попытка защититься от обезумевшей толпы.

Нужный им проулок пролегал между разграбленным салоном крышишек и колесных дисков «Волшебный обод» и сожженным дотла магазином, прежде торговавшим подержанной бытовой техникой, «С Бэ-У не прогадаешь». Сгоревший дом был обнесен желтой лентой и помечен красными знаками городской инспекции как объект повышенной опасности, непригодный для жилья. Босх сразу понял: этот район разгромили в самом начале. Они ведь находились всего лишь в двадцати кварталах от того места, где на пересечении Флоренс и Норманди была зафиксирована первая вспышка насилия, – людей вытаскивали из автомобилей и грузовиков, безжалостно избивая, пока весь мир взирал на это с высоты, на которой расположились телекамеры.

Гвардеец с фонарем пошел впереди «6-К-16», показывая водителю въезд. Пройдя футов тридцать, сопровождающий остановился и поднял вверх сжатую в кулак руку, словно они находились на разведке в тылу врага. Нужно было выбираться из машины. Эдгар хлопнул Босха по плечу.

– Помни, Гарри, что нужно соблюдать дистанцию. Держись от нас не ближе шести футов, что бы ни случилось.

Эта дежурная шутка призвана была скрасить унылую обстановку. Дело в том, что из четверых членов группы только Босх был белым. То есть наиболее вероятной мишенью для снайпера. Как, впрочем, и для любого стрелка.

– Слушаюсь, – буркнул он.

Эдгар снова хлопнул его ладонью.

– И шапочку не забудь.

Гарри наклонился и подобрал с пола машины белый защитный шлем, выданный всем участвующим в подавлении беспорядков. Им приказали не снимать его ни при каких обстоятельствах. Но разве сверкающий белый пластик шлема не бросается в глаза издали, делая их особенно уязвимыми?

Им с Эдгаром пришлось подождать, пока Роблето и Делуин выйдут из машины и откроют задние дверцы. Босх выбрался наружу, неохотно нацепил шлем, но ремешок вокруг подбородка застегивать не стал. Ему очень хотелось курить, однако время было дорого, да

к тому же в пачке, лежавшей в левом нагрудном кармане рубашки, оставалась последняя сигарета. Лучше ее приберечь, поскольку неизвестно, где и когда удастся пополнить запас.

Босх огляделся. Тело он увидел не сразу. Проулок был основательно замусорен всевозможным хламом, как полуистлевшим, так и брошенным недавно. Старые электроприборы, видимо, уже не годившиеся для перепродажи, были сложены штабелем у боковой стены магазина подержанных товаров. Помимо прочего мусора, повсюду валялись обломки обрушившейся при пожаре крыши.

– Где она? – спросил Босх.

– Там, – показал гвардеец. – У стены.

Проулок освещали только фары патрульного автомобиля и фонарик гвардейца. Старые бытовые приборы и прочий хлам отбрасывали причудливые тени на стены и землю. Босх включил свой фонарь фирмы «Маглайт» и направил луч в ту сторону, куда указывал солдат. Стену магазина украшали граффити, оставленные членами уличной банды. Имена, рисунки надгробных камней – поминки по погибшим, угрозы... Стена служила доской объявлений для местного клана «Роллинг-Сикстиз», находившегося под началом у более крупной группировки «Крипс».

Он сделал еще три шага вслед гвардейцу и почти сразу увидел ее. Маленькая женщина лежала на боку около стены. Ее тело почти полностью закрывала тень, отбрасываемая прожарившим остовом стиральной машины.

Прежде чем подойти ближе, Босх обшарил лучом фонарика окружавшую труп землю. Когда-то давным-давно проулок был частью мостовой, от которой остались лишь куски бетона, гравий и грязь. Но следов обуви или пятен крови он не увидел. Он медленно приблизился к трупу и присел на корточки. Пришлось положить тяжелую металлическую рукоятку фонаря, рассчитанного на шесть крупных батареек³, себе на плечо, прежде чем обвести лучом тело. За свою карьеру он повидал достаточно мертвецов, чтобы на глаз определить, что смерть наступила от двенадцати до двадцати четырех часов назад. Ноги резко согнуты в коленях – результат трупного окоченения или указание на то, что в момент гибели женщина стояла на коленях. Видневшаяся на руках и шее кожа имела пепельный оттенок или потемнела от запекшейся крови. Кисти же рук почти почернели, и уже отчетливо ощущался запах разлагающейся плоти. Лица женщины почти не было видно из-за упавших на него длинных светлых прядей. Кровь обильно покрывала ее волосы на затылке, а одна струйка превратилась в тяжелый сгусток на локоне спереди. Босх переместил луч фонаря на стену над трупом и увидел типичное смазанное сверху вниз кровавое пятно, ясно указывавшее, что женщину убили здесь, а не просто привезли и бросили труп.

Босх достал из кармана авторучку и убрал ею волосы с лица жертвы. Вокруг ее правой глазницы виднелись крапинки ожогов от пороха, а пулевое отверстие пришлось прямо в глаз, оставив глазницу пустой. В нее стреляли буквально с нескольких дюймов. В лицо, навывлет, с очень близкой дистанции. Он убрал ручку и склонился еще ниже, направив луч на заднюю часть головы. Рана на выходе оказалась огромной, с рваными краями. Не приходилось сомневаться, что смерть наступила мгновенно.

– Боже правый, так она еще и белая?

Это был Эдгар. Он пристроился за спиной у Босха, глядя на труп, как бейсбольный судья смотрит из-за спины кэтчера.

– Похоже на то, – ответил Босх, медленно перемещая луч вдоль тела.

– Как, черт возьми, сюда занесло белую девчонку?

Босх не ответил. Он заметил что-то под правой рукой женщины.

Пришлось положить фонарь и натянуть перчатки.

³ Фонари такого типа имеют до полуметра в длину и весят более полутора килограммов.

– Направь свет ей на грудь, – попросил он Эдгара.

Уже в перчатках Босх снова склонился над трупом. Убитая лежала на левом боку, а ее правая рука была прижата к груди, прикрывая предмет, свисавший на ремешке с шеи. Босх осторожно достал его.

Это был ярко-оранжевый пропуск для прессы, выданный полицейским управлением Лос-Анджелеса. За многие годы Босху часто приходилось видеть такие удостоверения. Но это выглядело совсем новым. На пластике, в который его заламинировали, не было ни пятен, ни царапин. Он увидел паспортного типа фотографию светловолосой женщины. Внизу значились ее имя, фамилия и название издания, на которое она работала:

«Аннеке Йеспersen
“Берлингске тиденне”».

– Она – иностранная журналистка, – сказал Босх. – Аннеке Джеспersen⁴.

– Откуда?

– Не знаю. Возможно, из Германии. Здесь написано «Берлин...». Короче, что-то берлинское. Я толком не разберу.

– Зачем им посылать сюда кого-то аж из Германии? У них там что, своих проблем мало?

– Я не могу с уверенностью утверждать, что она именно из Германии. Мне это пока неясно.

Босх отключился от болтовни Эдгара и взгляделся в снимок на пропуске. Даже на куцей паспортной фотографии женщина выглядела привлекательной. Ни улыбки, ни косметики, все по-деловому, волосы стянуты на затылке, а кожа такая бледная, что кажется почти прозрачной. Но в глазах заметна отрешенность. Такие глаза Босху доводилось встречать у знакомых копов или солдат, слишком многое успевших повидать за короткое время.

Босх перевернул удостоверение. Никаких сомнений в подлинности. Он знал, что пропуска для прессы обновляли ежегодно, наклеивая специальную этикетку, чтобы журналист мог посещать пресс-конференции в управлении и проходить через кордоны к местам преступлений. На этом пропуске присутствовала свежая наклейка с цифрой 1992. Это означало, что жертва получила его не ранее ста двадцати дней назад, но, судя по безукоризненному глянцу, это произошло совсем недавно, заключил Босх.

Затем Гарри возобновил осмотр тела. На жертве были синие джинсы и, поверх белой рубашки, жилет с многочисленными накладными карманами. Отсюда напрашивался вывод, что женщина работала фотокорреспондентом. Но ни при ней, ни рядом фотокамер он не обнаружил. Стало быть, их забрали, если они вообще не стали поводом для убийства. Ведь большинство профессиональных фотографов носят при себе дорогие камеры и прочие аксессуары.

Гарри потянулся к жилету и открыл один из нагрудных карманов. При обычных обстоятельствах он предоставил бы изучение личных вещей криминалистам, поскольку официально труп после внешнего осмотра поступал в окружную лабораторию судебно-медицинской экспертизы. Но Босх сомневался, что они появятся на месте этого убийства, а наводить справки не оставалось времени.

В кармане он обнаружил четыре черных контейнера с кассетами. Естественно, он не мог знать, сняты эти пленки или еще нет. Снова застегивая молнию на кармане, он почувствовал под ним что-то твердое. Трупное окоченение не длится вечно. Проходит всего лишь день, и мертвое тело снова делается мягким и податливым. Поэтому он откинул полы жилета

⁴ Босх первоначально читает датскую фамилию, искажая ее на американский лад.

и постучал кулаком по груди жертвы. Звук подтвердил, что ее действительно покрывало нечто твердое. Убитая женщина носила пуленепробиваемый жилет.

– Эй, только глянь на этот списочек! – окликнул его Эдгар.

Босх поднял взгляд. Луч фонаря Эдгара высвечивал верхнюю часть стены. Граффити прямо над головой жертвы представляло собой перечень имен членов банды, павших в уличных боях. Кен Дог, Джи-Дог, Оу Джи Нэсти, Некбоун и так далее. Место преступления находилось на территории, подконтрольной «Роллинг-Сикстиз», входившей, как уже было сказано, в состав огромной группировки «Крипс» и постоянно воевавшей с бандой «Семь троек», тоже, как ни странно, являвшейся частью «Крипс».

Среди рядовых обывателей бытовало представление, что войны между уличными бандами Южного Лос-Анджелеса, в которых одни убивали других чуть ли не каждую ночь, сводились к разборкам и дележу территорий между «Бладз» и «Крипс» – двумя крупнейшими и старейшими группировками города. На самом же деле куда более кровавыми и оставлявшими за собой значительно больше трупов являлись столкновения мелких банд внутри одной и той же группировки. И самыми непримиримыми среди них считались «Роллинг-Сикстиз» и «Семь троек». Члены обеих банд действовали по принципу: увидел врага – стреляй! А счет жертвам обе стороны вели вот в таких настенных мемориалах, где в одной графе значились собственные потери, а рядом тщательно вписывались в колонку клички уничтоженных противников.

– Так что тут у нас все как в сказке «Белоснежка и “Семь троек”», – хихикнул Эдгар.

Но Босх в ответ лишь раздраженно покачал головой. В городе шла настоящая гражданская война, и перед ними лежала одна из ее жертв – женщина, которую поставили к стенке и расстреляли. А его напарник, кажется, до сих пор не воспринимал происходящего всерьез.

Эдгар прочитал мысли партнера.

– Это всего лишь глупая шутка, Гарри, – поспешно сказал он. – Встряхнись. Нам нужно сохранять хоть какое-то чувство юмора. Пусть это и юмор висельников.

– Хорошо, я встряхнусь, – ответил Босх, – но только после того, как ты вызовешь по радио штаб. Доложи, что мы тут обнаружили, и непременно вдолби им в головы, что погибла представительница иностранной прессы, и убеди прислать сюда полноценную следственную бригаду. Или в самом крайнем случае хотя бы судебного фотографа с осветительными приборами. Объясни, что это дело заслуживает особого внимания и нам нужна помощь.

– Почему? Только потому что она – белая?

Босх глубоко вдохнул, прежде чем ответить. На этот раз Эдгар перешел все границы. Понятно – его задело, что Босх не оценил каламбура с Белоснежкой, но все же...

– Нет. Вовсе не поэтому, – медленно и внятно проговорил он. – А потому, что она не из числа мародеров, не принадлежит к уличной банде, и можешь мне поверить и внушить нашему начальству – вся репортерская братия слетится сюда, как только узнает об убийстве коллеги. Понятно? Или для тебя этих причин мало?

– Да понял я, понял.

– Вот и хорошо.

Эдгар направился к машине, чтобы воспользоваться передатчиком, а Босх снова взялся за работу на месте преступления. Он первым делом обозначил его границы, распорядившись, чтобы два национальных гвардейца переместились вниз и вверх по проулку, создав таким образом свободные зоны в двадцать футов по обе стороны от жертвы. Две другие естественные границы образовали боковые стены сгоревшего магазина бытовой техники и салона автопокрышек.

Занимаясь этим делом, Босх обратил внимание, что проулок пересекал небольшой жилой квартал, расположившийся на задворках магазинов, фасадами смотревших на бульвар Креншо. Причем в проулок выходили задние дворы жилых домов, огражденные чем бог

послал. Некоторые хозяева воздвигли мощные каменные стены, другие ограничились деревянными заборчиками или простыми металлическими сетками.

Босх понимал, что при нормальных условиях непременно обошел бы все эти дворы, постучал во все двери, но в нынешней ситуации этим придется заняться много позже, если вообще придется. Сейчас следовало сосредоточить все внимание непосредственно на месте убийства. И ему очень повезет, если он успеет переговорить хотя бы с парой соседей.

В какой-то момент Босху бросились в глаза фигуры Роблето и Делуина, стоявших со своими ружьями у входа в проулок со стороны бульвара. Они оживленно беседовали, вероятно, жалуясь друг другу на начальство или на жизнь вообще. В те времена, когда Босх воевал во Вьетнаме, такую позицию шутники называли «два по цене одного для снайпера».

По периметру проулка постоянно дежурили восемь национальных гвардейцев. Кроме того, Босх заметил, что в дальнем его конце начала собираться небольшая пока толпа зевак, и жестом подозвал солдата, показавшего им дорогу к месту преступления.

– Как ваша фамилия?

– Брабанд, но все здесь зовут меня Барабан.

– Хорошо, Барабан. Я – детектив Босх. Скажите, кто ее обнаружил?

– Вы о трупе? Это был Доулер. Он заскочил сюда, чтобы отлить, и наткнулся на нее.

Говорит, что сначала почуял запах. А этот запах ему уже знаком.

– Где сейчас находится Доулер?

– Думаю, на южной баррикаде.

– Мне нужно с ним побеседовать. Можете вызвать его сюда?

– Так точно, сэр.

И Брабанд двинулся к выходу из проулка.

– Постойте, Барабан. Я еще не закончил.

Брабанд выполнил поворот кругом.

– Когда вы сюда прибыли?

– Мы здесь с восемнадцати ноль-ноль вчерашнего дня, сэр.

– Значит, с того времени вы держали тут все под контролем? В том числе и этот проулок?

– Не совсем так, сэр. Прошлым вечером мы начали от перекрестка Креншо и Флоренс-авеню, а потом продвигались к востоку от Флоренс и к северу от Креншо. Но постепенно. Квартал за кварталом.

– И когда же добрались до проулка?

– Наверняка сказать не могу, но если не ошибаюсь, то нынче на рассвете.

– И все погромы и поджоги в непосредственной близости отсюда к тому времени уже прекратились?

– Точно так, сэр. Как мне сказали, здесь все разорили в первую же ночь.

– Спасибо, Барабан. Еще только одна просьба. Нам необходимо больше света. Вы не могли бы пригнать сюда одну из ваших бронемашин с дополнительными фарами на крыше?

– Они называются «хамви», сэр.

– Вот и отлично. Подгоните одну с той стороны проулка и поставьте впереди тех людей, чтобы весь свет падал на место преступления. Вы меня поняли?

– Понял, сэр.

Босх велел ему поставить машину напротив патрульного автомобиля полицейских.

– Отлично. Мне нужно создать здесь перекрестное освещение. Это лучшее, что мы можем сейчас предпринять.

– Так точно, сэр.

Он снова попытался уйти, но Босх опять остановил его:

– Эй, Барабан!

Тот повернулся.

– Слушаю вас, сэр.

Босх перешел на шепот:

– Ваши люди не сводят с меня глаз. Не лучше ли им повернуться и наблюдать за обстановкой?

Брабанд шагнул к остальным гвардейцам и, вращая пальцем вокруг головы, выкрикнул:

– Слушай мою команду! Все – кругом! Смотреть по сторонам, наблюдать за обстановкой. Не мешайте детективу работать.

И, бросив взгляд на группу зевак, добавил:

– И заставьте эту публику отойти подальше.

Когда солдаты исполнили его распоряжения, Брабанд наконец покинул проулок, чтобы связаться с Доулером и вызвать машину для подсветки.

Пейджер, прикрепленный к брючному ремню Босха, издал сигнал. Он достал его из футляра и по номеру определил, что на связь вышел командный пункт. Босх знал: сейчас они с Эдгаром получают новое срочное задание. Они еще толком ничего не сделали здесь, а уже следовало сниматься с якоря. Этому ему сейчас хотелось меньше всего, и он снова сунул пейджер в футляр, не удостоив штаб ответом.

Босх подошел к ограде первого из дворов, начинавшихся за боковой стеной магазина бытовых приборов. Это был сбитый из досок забор, слишком высокий, чтобы через него можно было заглянуть внутрь. Но он заметил, что доски только что заново покрасили. Ограда выходила в проулок, но на ней не было и следа граффити. Для Босха это означало, что владелец дома заботился о своей собственности и закрашивал надписи на заборе. Быть может, он из тех, кому не все равно, что творится в квартале, и мог слышать или даже видеть нечто полезное для следствия.

Босх перешел на противоположную сторону проулка и снова опустился на корточки у границы обозначенного им места преступления. Он походил сейчас на сидящего в своем углу боксера, готового в любой момент возобновить бой. Оттуда он принялся обшаривать лучом фонарика изломанную бывшую мостовую – теперь в основном земляную, но с сохранившимися кое-где кусками бетонного покрытия. Под столь необычным углом свет отразился от великого множества самых разных поверхностей, открывая Босху то, чего он не мог видеть прежде. И уже вскоре он заметил, как среди мусора что-то ярко блеснуло. Луч фонаря замер. Он поднялся, подошел к тому месту и обнаружил среди россыпи гравия медную стреляную гильзу.

На этот раз ему пришлось встать на четвереньки, чтобы как следует разглядеть патрон, не прикасаясь к нему. В ярком свете фонаря он увидел, что это действительно девятимиллиметровая медная гильза со знакомой маркой производителя – «Ремингтон», выведенной по кругу. В пистоне четко виднелась вмятина, оставленная бойком при выстреле. Босх отметил, что хотя гильза и валялась поверх гравия, на нее никто не успел ни наступить, ни смять колесом машины. Значит, появилась она здесь совсем недавно.

Босх как раз осматривался по сторонам, выискивая какой-нибудь предмет, чтобы пометить место обнаружения гильзы, когда вернулся Эдгар. Поскольку он нес ящик со снаряжением для осмотра мест преступления, Босх понял, что поддержки им не дожидаться.

– Что-то нашел, Гарри?

– «Ремингтон», девять миллиметров. Похоже на свеженькую гильзу.

– Что ж, по крайней мере хоть что-то полезное.

– Возможно. Ты связался с командным пунктом?

Эдгар поставил ящик на землю. Держать его было тяжело. Они упаковали в него все в спешке найденное на складе своего участка, как только узнали, что на экспертов-криминалистов рассчитывать не приходится.

– Да, я до них дозвонился, но там на все просьбы твердят: «В данный момент ничем не можем помочь». Все сотрудники на заданиях. Так что придется нам управляться здесь самим, брат.

– И вскрытия тоже не будет?

– Ни одного свободного медика. Они даже труп забрать не смогут. Национальной гвардии приказано выделить для тела грузовик.

– Ты шутишь? Они действительно собираются просто швырнуть убитую в кузов?

– И это еще не все. Нас уже перебрасывают на другое дело. Обгоревший до хруста бедолага. Пожарные обнаружили его в спаленном мексиканском продуктовом магазине на бульваре Мартина Лютера Кинга.

– Что за черт! Мы же только-только сюда добрались.

– Понимаю, но беда в том, что мы ближе всех к бульвару МЛК. Так что нас просили сворачиваться здесь и отправляться туда.

– Да, но мы еще не закончили. Можно сказать, едва успели начать.

– С приказом не поспоришь, Гарри.

Но Босх уперся:

– Я не готов отсюда уехать. Тут непочатый край работы, и ее нельзя отложить на неделю. Все следы пропадут. Мы не имеем права этого допустить.

– У нас просто нет выбора, партнер. Увы, не мы принимаем решения.

– Да плевать я хотел на их решения!

– Ладно. Вот что я тебе скажу. Задержимся на пятнадцать минут. Сделаем несколько снимков, упакуем гильзу как улику, отправим тело в грузовике и тронемся в путь. Пойми, уже в понедельник, если к тому времени успеют навести в городе хоть какой-то порядок, дело у нас все равно заберут. Мы с тобой вернемся в Голливуд к своим прямым обязанностям, а это убийство останется преступлением на территории Семьдесят седьмого участка. И станет проблемой их сыщиков.

Но Босху было совершенно все равно, что случится потом, займутся этим делом следователи из участка на Семьдесят седьмой улице или нет. Для него имело значение только то, что он сейчас видел перед собой: женщину по имени Аннеке, приехавшую откуда-то издалека и лежавшую теперь мертвой. Он хотел знать, кто ее убил и почему.

– Пусть даже потом у нас заберут это дело, – сказал он. – Важен принцип.

– Какой, к дьяволу, принцип, Гарри? Оглянись по сторонам. Какие могут быть принципы посреди царящего вокруг хаоса? Сейчас не до принципов, приятель. Город совершенно вышел из-под контроля. И ты не можешь требовать, чтобы...

В этот момент воздух разорвал оглушительный треск автоматной очереди. Эдгар тут же распластался на земле, а Босх инстинктивно прижался к стене магазина подержанной электроники. Его шлем при этом отлетел далеко в сторону. Затем сразу несколько национальных гвардейцев открыли автоматную стрельбу, затихшую, только когда донеслись крики:

– Прекратить огонь! Немедленно прекратить огонь!

Наступила тишина, а со стороны бульвара в проулок вбежал сержант Берстин, первым встретивший их у баррикады. Босх видел, как Эдгар медленно поднимается на ноги. Он ничуть не пострадал, но почему-то смотрел на Босха с испуганным удивлением.

– Кто первым начал пальбу? – орал между тем сержант. – Кто, я вас спрашиваю?

– Я, – отозвался один из дежуривших в проулке солдат. – Мне показалось, что на крыше мелькнул вооруженный человек.

– Где именно, рядовой? На какой крыше? В каком месте ты видел снайпера?

– Вон там.

Молодой солдат указал на крышу магазина автопокрышек.

– Тысяча чертей! – еще яростнее завопил сержант. – Прежде чем спускать курок, подумай своей дурной башкой. Мы давно проверили эту крышу. Там не может быть никого, кроме наших же людей. Там только наши, понял?

– Простите, сэр, но я увидел...

– Сынок, мне насрать с высокой колокольни, что ты там увидел! Если бы ты попал в одного из моих парней, я бы собственноручно вздернул тебя за задницу на ближайшем дереве!

– Так точно, сэр. Виноват, сэр.

Босх тоже распрямился. В ушах стоял звон, а каждый нерв вибрировал. Неожиданный звук автоматной стрельбы не был для него в новинку. Но все же прошло уже почти двадцать пять лет с тех пор, как ему доводилось слышать ее чуть ли не каждый день. Он подобрал с земли свой шлем и вновь водрузил его на голову.

К нему подошел сержант Берстин.

– Можете работать спокойно. Если понадобится, найдете меня на севере охраняемого периметра. Скоро прибудет грузовик, чтобы забрать тело. И, как я понял, нас обязали выделить вам сопровождение, чтобы вы могли безопасно проследовать к следующему месту преступления.

С этими словами он поспешил прочь из проулка.

– Господи Иисусе, что творится, – сказал Эдгар. – Какая-то «Буря в пустыне». Второй Вьетнам. Нам надо скорее уносить отсюда ноги, приятель.

– Сначала закончим работу, – возразил Босх. – Ты чертишь схему места преступления. Я осмотрю труп и сделаю фото. За дело.

Босх склонился над ящиком со снаряжением. Он хотел сфотографировать гильзу, прежде чем положить ее в пакет для улики. Но Эдгара несло. Он говорил неумолчно. Адреналин все еще бурлил в крови. От перевозбуждения на него всегда нападала словоохотливость. Причем явно излишняя.

– Ты сам-то заметил, Гарри, что сделал, когда этот молокосос открыл стрельбу?

– Конечно. Залег, как и все остальные.

– Нет, Гарри, ты закрыл собой труп. Я это отчетливо видел. Ты заслонила нашу Белоснежку от пуль, как будто она еще жива.

Босх промолчал. Он достал из ящика «Полароид» для моментальных фотографий. При этом ему бросилось в глаза, что у них остались всего две запасные кассеты. Шестнадцать снимков плюс что-то в камере. Значит, всего примерно двадцать. А снять нужно здесь и еще как минимум на бульваре Кинга. Слишком мало. В нем начала закипать злость.

– Так зачем ты это сделал, Гарри? – не унимался Эдгар.

И Босха прорвало.

– Я понятия не имею, о чем ты толкуешь! – рявкнул он на напарника. – Понятно? Не имею понятия! А теперь немедленно берись за работу и постарайся успеть сделать что-то полезное. Быть может, тогда у кого-то другого появится хоть какой-то шанс раскрыть это убийство!

Его гневная вспышка несказанно удивила дежуривших в проулке гвардейцев. Парень, первым открывший стрельбу, уставился на Босха, откровенно довольный, что кто-то другой оказался теперь в центре всеобщего внимания.

– Ладно, ладно, Гарри, – смиренно отозвался Эдгар. – Давай работать. Сделаем что успеем. Но не больше пятнадцати минут, а потом переезжаем на другое место.

Босх кивнул, посмотрев на мертвую женщину. «Что такое пятнадцать минут?» – подумал он. Но с этим пришлось смириться. Впрочем, он понимал, что дело безнадежное, едва приступив к нему.

– Простите нас, – прошептал он.

Часть первая

Блуждающий пистолет

2012

Глава первая

Его заставили ждать. Объяснили, что у Коулмана сейчас кормежка и вызвать его на беседу – значит создать затем большую проблему. Ведь после встречи с детективом ему пришлось бы принимать пищу с другой сменой заключенных, среди которых могли затаиться враги, о которых охранникам ничего не известно. Велика вероятность непредвиденного нападения, а кому нужны лишние неприятности на свою голову? Вот почему Босху пришлось без дела торчать сорок минут, дожидаясь, пока Коулман покончит с бифштексом и зелеными бобами, сидя за легким столиком во дворе блока «Д» в комфорте и безопасности среди своих. Всех заключенных из числа бывших членов банды «Роллинг-Сикстиз» в тюрьме Сан-Квентин кормили и выводили на прогулки одновременно.

Чтобы убить время, Босх еще раз мысленно перебрал свои аргументы и отрепетировал роль, которую предстояло сыграть. Сегодня все зависело от него одного. На помощь напарника рассчитывать не приходилось. Он был предоставлен самому себе. Сокращение бюджетных средств, выделяемых управлению на командировки, привело к тому, что отныне все визиты в отдаленные тюрьмы сыщики вынужденно совершали поодиночке.

Босх предпочел вылететь сюда первым же утренним рейсом, не подумав, в удачное ли время прибудет на место. Впрочем, по большому счету эта задержка не имела особого значения. Вылет домой планировался только в шесть вечера, а беседа с Руфусом Коулманом не могла слишком уж затянуться. Коулман либо примет предложение, либо отвергнет его. В любом случае Босх пробудет в его обществе совсем недолго.

Помещение для допросов оказалось тесноватой комнатой со стенами, обшитыми стальными листами, разделенной пополам намертво привинченным к полу столом. Босх уже сидел за ним. За его спиной располагалась входная дверь. С противоположной стороны стола оставалось ровно столько же свободного пространства с идентичной дверью в задней стене. Босх знал, что именно через нее приведут Коулмана.

Босх все-таки вернулся к работе над двадцатилетней давности убийством фотожурналистки Аннеке Йесперсен, застреленной во время беспорядков 1992 года. В ту безумную ночь разгула насилия ему удалось провести на месте преступления менее часа, прежде чем его буквально силой заставили взяться за другое убийство, а потом продолжили и дальше перебрасывать по городу.

Когда все успокоилось, полицейское управление Лос-Анджелеса сформировало специальное подразделение для расследования преступлений, совершенных во время беспорядков, которому присвоили аббревиатуру ОПРБ, и дело об убийстве Йесперсен перешло под его юрисдикцию. Убийство, разумеется, так и не было раскрыто, но только после десяти лет имитации деятельности сыщики сложили наконец немногочисленные документы и улики в коробки, чтобы окончательно сдать в архив. Время шло. На горизонте замаячила двадцатая годовщина беспорядков, и начальник полиции, которого всегда волновало, что пишет о нем пресса, направил директиву лейтенанту, возглавлявшему отдел нераскрытых преступлений, приказав заново пересмотреть материалы всех убийств, совершенных во время событий 1992 года, где виновные так и не были установлены. Начальник хотел во всеоружии встретить волну публикаций, которую, как он догадывался, вызовет приближавшийся печальный

юбилей. В 1992 году полицию застали врасплох. В 2012-м этого не должно было случиться. Начальник заранее готовился выступить с заявлением, что его подчиненные по-прежнему активно расследуют все нераскрытые убийства, совершенные в период беспорядков.

Босх настойчиво просил, чтобы дело Аннеке Йесперсен поручили именно ему, и вот двадцать лет спустя занимался им снова. Естественно, брался он за него не без опасений. Ему было прекрасно известно, что подавляющее большинство таких дел раскрывали в течение первых сорока восьми часов. Позже вероятность успеха в расследовании сводилась к минимуму. А над этим случаем едва ли поработали как следует хотя бы один из тех пресловутых сорока восьми часов. Расследование провели спустя рукава в силу сложившихся обстоятельств, но Босха с тех самых пор не оставляло чувство вины, словно он сам совершил предательство в отношении Аннеке Йесперсен. Ни один детектив из отдела убийств не любит бросать своих дел нераскрытыми, но в той ситуации у Босха просто не оставалось выбора. Дело у него забрали. И легче всего ему было бы пенять на нерадивость коллег, которые вели следствие потом, но Босх считал, что не может снять ответственность и с себя самого. Он ведь первым прибыл на место преступления. И его мучила мысль, что, каким бы кратким ни было его пребывание там, он наверняка упустил из виду нечто важное.

Через двадцать лет судьба дарила ему еще один шанс. Пусть и весьма мизерный. Он верил, что в каждом деле незримо присутствовал некий черный ящик. Это могли быть улика, свидетель, неожиданное сочетание фактов, что угодно, дававшее толчок к озарению и пониманию, как и почему все произошло. Вот только в случае с Аннеке Йесперсен никакого «черного ящика» не просматривалось. Лишь две слегка заплесневевшие картонные коробки из архива, не подарившие Босху ни подсказки, ни оснований для оптимизма. В коробках сохранилась одежда жертвы, включая бронезилет, ее паспорт и другие личные вещи. Туда же сунули рюкзак и остатки фотоаппаратуры, найденные позднее в снятом ею гостиничном номере. Никуда не делась и девятимиллиметровая гильза, обнаруженная Босхом на месте преступления. Ко всему этому прилагалась тонкая папочка с бумагами, составленными сыщиками ОПРБ под громким названием «Дело об убийстве».

По большому счету содержимое папки свидетельствовало лишь о полной пассивности следователей ОПРБ. То особое подразделение просуществовало ровно год, и его сотрудникам пришлось разбираться с сотнями преступлений, включая несколько десятков убийств. По сути, они были так же завалены работой, как и сам Босх во время беспорядков.

Силами ОПРБ весь Южный Лос-Анджелес заставили стендами с призывом звонить по «горячей линии» полиции и с посулами вознаграждения за любую информацию, способную привести к аресту лиц, совершивших преступления в те безумные дни и ночи. На других стендах вывесили фотографии неопознанных подозреваемых или жертв. С трех из них смотрело лицо Аннеке Йесперсен с сопроводительным текстом, содержащим просьбу сообщить полиции любые сведения, имеющие отношение к ее убийству или личности.

Особое подразделение в основном и полагалось на данные, полученные от населения, и доводило до конца только те дела, где быстро появлялись неопровержимые улики. Что же касалось Йесперсен, то никакой важной информации о ней получено не было, а потому следствие, по сути, не сдвинулось с мертвой точки. Это был полнейший тупик. Даже единственное реальное вещественное доказательство с места преступления – та самая гильза – не представляло никакой ценности без сведений об оружии, из которого выпустили пулю.

Из всей работы, проделанной следственной бригадой, полезной для Босха оказалась лишь собранная ею информация о самой жертве. Фамилия женщины произносилась Йесперсен, а не Джесперсен, и была она тридцатидвухлетней датчанкой, а не немкой, за которую все эти двадцать лет ее держал Босх. Работала она на издающуюся в Копенгагене газету «Берлингске тиденне» и была фотожурналистом в полном смысле этого слова. То есть писала

тексты и снабжала их иллюстрациями. Более того, она считалась чуть не фронтовым корреспондентом, освещая крупнейшие мировые конфликты и словом, и фотоснимками.

В Лос-Анджелес она прибыла утром второго дня погромов. А к следующему утру оказалась уже мертва. Несколько недель спустя «Лос-Анджелес таймс» опубликовала краткие жизнеописания всех ставших жертвами насилия. В заметке об Йесперсен, для которой взяли интервью у редактора ее газеты и жившего в Копенгагене брата, она описывалась как журналистка, всегда работавшая на грани риска и охотно выполнявшая задания в «горячих точках». За четыре года, предшествовавших ее смерти, она успела стать свидетельницей вооруженных столкновений в Ираке, Кувейте, Ливане, Сенегале и Сальвадоре.

Уличные бунты в Лос-Анджелесе, вообще говоря, не шли ни в какое сравнение с местами настоящих боевых действий, откуда Йесперсен присылала свои репортажи и фотографии раньше. Как выяснила «Таймс», в США она всего лишь проводила отпуск, когда вспыхнули беспорядки в Городе Ангелов. Быстро связавшись с редакцией «БТ», как для краткости называли ее газету датчане, она оставила редактору сообщение, что немедленно отправляется из Сан-Франциско в Лос-Анджелес. Но перед гибелью не успела прислать в газету ни одной строчки и фотографии. Редактору передали ее послание, но поговорить с ней лично он не сумел.

После расформирования ОПРБ нераскрытое дело Йесперсен передали в убийный отдел полицейского участка на Семьдесят седьмой улице, поскольку географически место преступления входило в зону его ответственности. У тамошних сыщиков хватало своих нераскрытых дел, и очередное не стало приоритетом. Новые записи в досье появлялись все реже и касались в основном запросов о ходе следствия, поступавших со стороны. Местные детективы вели расследование, мягко говоря, без особого рвения, но члены семьи и коллеги Йесперсен, успевшей сделать себе имя в международном журналистском сообществе, не забывали о ее судьбе. Письма от них поступали достаточно регулярно до тех самых пор, когда дело списали в архив. После этого все запросы о расследовании убийства Аннеке Йесперсен оставались без ответа, поскольку никто больше не возвращался к собранным материалам.

Странно, но личные вещи покойной остались не востребованными членами ее семьи. В архивных коробках по-прежнему лежал ее рюкзак и все остальное, что передал полицейским управляющий мотеля «Тревелодж» на бульваре Санта-Моника, обнаружив одну из опубликованных в «Таймс» фамилий жертв насилия в книге регистрации постояльцев. Поначалу он посчитал, что Аннеке Йесперсен попросту сбежала из гостиницы не расплатившись, и сложил ее вещи в шкафчик своей камеры хранения. Но, узнав о ее смерти, передал их в распоряжение ОПРБ, сотрудникам которой выделили для работы временные помещения в центральном здании полицейского управления.

В рюкзаке, который Босх достал из архивной коробки, оказались две пары джинсов, четыре белые рубашки из хлопка, набор нижнего белья и носков. Йесперсен явно привыкла путешествовать налегке, упаковав для отпуска не больше вещей, чем взяла бы на войну. Впрочем, она и собиралась в зону военных действий сразу по окончании короткого путешествия по Соединенным Штатам. Редактор ее газеты сообщил «Таймс», что из США Йесперсен должна была вылететь в Сараево, то есть в ту часть бывшей Югославии, где несколькими неделями ранее началась настоящая заваруха. Средства массовой информации уже передавали многочисленные сообщения о массовых изнасилованиях и этнических чистках, так что Йесперсен направлялась в самое пекло. У нее уже был забронирован авиабилет на следующий понедельник, когда вспыхнули беспорядки в Лос-Анджелесе. По всей вероятности, она запланировала здесь лишь краткую остановку, чтобы поснимать погромы в качестве легкой разминки перед тем, с чем ей предстояло столкнуться в Боснии.

В другом отделении рюкзака лежали ее датский паспорт и несколько упаковок неиспользованной тридцатипятимиллиметровой пленки.

Штамп в паспорте свидетельствовал, что Йеспersen прибыла в США через нью-йоркский аэропорт имени Кеннеди за шесть дней до гибели. Согласно данным расследования и публикации в газете, она путешествовала одна и успела добраться до Сан-Франциско, когда был оглашен печально известный приговор, а Лос-Анджелес погрузился в хаос.

Не сохранилось никаких сведений, где еще Йеспersen успела побывать на территории США за пять дней, предшествовавших беспорядкам в Лос-Анджелесе, и никого это не заинтересовало. Следователи явно посчитали, что подобная информация не поможет им раскрыть убийство.

Ясно было другое. Вспышка насилия в таком городе, как Лос-Анджелес, послужила для репортера Йеспersen достаточно соблазнительной приманкой, чтобы изменить свои планы и провести ночь за рулем машины, взятой напрокат в международном аэропорту Сан-Франциско. Утром в четверг, 30 апреля, она явилась в пресс-службу полицейского управления Лос-Анджелеса, где предъявила свой паспорт и удостоверение журналиста, чтобы получить пропуск.

Босх, который в 1969 и 1970 годах воевал во Вьетнаме, встречал там немало журналистов и фотографов как на базах, так и непосредственно в зоне боевых действий. И практически в каждом из них подмечал уникальную форму храбрости. Это была не солдатская отвага, а почти наивная вера в собственную неуязвимость. Казалось, они искренне считали, что камеры и удостоверения представителей прессы послужат магическими доспехами, способными уберечь их от смерти при любых обстоятельствах.

С одним из фотокорреспондентов Босх даже водил что-то вроде дружбы. Звали его Фрэнк Зинн, и он работал на Ассошиэйтед Пресс. Однажды он даже отважился отправиться вместе с Босхом в лабиринт вьетконговских туннелей Чу-чи. Зинн вообще никогда не упускал возможности побывать на вражеской территории и, как он это называл, «почувствовать все на собственной шкуре». А погиб он в начале 1970-го, когда вертолет, на борт которого вскочил в последний момент, чтобы попасть на передовую, был сбит зенитной ракетой. Один из его фотоаппаратов при крушении уцелел, и кто-то на базе не поленился проявить пленку. Оказалось, что Зинн не переставал непрерывно снимать, когда «вертушку» уже охватило пламя и она стала стремительно падать. Разумеется, никто не мог сказать наверняка, сознательно ли Зинн документировал собственную смерть или считал, что благополучно вернется с задания с блестящими кадрами. Но Босх уже достаточно знал его и был уверен: Зинн считал себя бессмертным и ни на секунду не допускал мысли, что авария вертолета станет фатальной для него самого.

Вот и теперь, вновь взявшись за расследование дела Аннеке Йеспersen, Босх раздумывал, не походила ли она в этом на Зинна? Считала ли себя неуязвимой, была ли уверена, что камера и пропуск для прессы проведут ее невредимой сквозь любой огонь? Ведь не приходилось сомневаться, что она сама нарывалась на неприятности. Интересно, размышлял он, о чем эта женщина подумала в последний момент, когда убийца уже нацелил пистолет ей в глаз? Зинн на ее месте не колеблясь попытался бы сфотографировать преступника.

Согласно списку, присланному из редакции в Копенгагене по просьбе ОПРБ, Йеспersen не расставалась с двумя камерами «Никон-4» и набором сменных объективов. Разумеется, ничего из этой аппаратуры найдено не было. Если на пленке, заряженной в ее фотоаппарат, запечатлелось нечто важное, то от этих улики давно не осталось и следа.

Следователи ОПРБ проявили те четыре пленки, которые Босх обнаружил в кармане ее рабочего жилета. Некоторые фото даже распечатали форматом десять на восемь, но большинство осталось лишь в виде миниатюрных «контролек» на четырех листах фотобумаги, вложенных в досье. Всего она успела сделать шестьдесят девять снимков, но они не пред-

ставляли ценности как вещественные доказательства и не содержали никаких зацепок для дальнейшего расследования. В основном это были незамысловатые репортажные сценки, запечатлевшие национальных гвардейцев на дежурстве у здания Колизея сразу после их прибытия в город. На нескольких кадрах оказались те же гвардейцы на баррикадах, возведенных на стратегических перекрестках. Ничего драматического – ни столкновений, ни бесчинств мародеров и поджигателей. Только несколько снимков солдат на фоне разоренных и сожженных магазинов. Все эти фотографии были, несомненно, сделаны в тот день, когда Йесперсен приехала в Лос-Анджелес и получила в полиции свой пропуск.

В 1992 году сыщики заключили, что фото, представляя некоторый исторический интерес, не имеют никакой ценности для следствия, да и Босх двадцать лет спустя не мог оспорить подобный вывод.

На отдельном листке в папке ОПРБ содержался датированный 11 мая 1992 года детальный рапорт об обнаружении взятого Йесперсен напрокат в отделении фирмы «Авис» автомобиля. Он был брошен на бульваре Креншо в семи кварталах от проулка, где нашли труп. За десять дней из него, естественно, успели выпотрошить все внутренности. Из рапорта также следовало, что ни сама машина, ни ее содержимое – за полным отсутствием такового – не давали никакого материала для расследования.

В итоге все свелось к тому, что единственная улика, найденная Босхом на месте преступления, и стала его последней реальной надеждой раскрыть это дело. Да, та самая гильза. За последние двадцать лет технологии, применяемые сотрудниками правоохранительных органов, развивались со скоростью света. То, о чем вчера не приходилось даже мечтать, стало повседневной реальностью. Новые методы работы с вещественными доказательствами и их сбора привели к пересмотру огромного количества нераскрытых дел по всему миру. Каждому крупному полицейскому управлению понадобились специальные подразделения, которые занялись бы повторным расследованием случаев, когда-то списанных в архив за полной безнадежностью. Порой достаточно было применить техническую новинку, чтобы рыбка сразу же оказалась в сетях. Анализы ДНК, электронные базы отпечатков пальцев и баллистическая экспертиза зачастую выводили прямиком на преступника, долго считавшего, что убийство окончательно сошло ему с рук.

Но не всегда и не все получалось так просто.

Возобновив следствие по делу номер 9212-00346, Босх сразу же отправил гильзу в отдел экспертизы огнестрельного оружия для анализа и поиска аналогов. Из-за загруженности отдела работой, а также поскольку улики, связанные с давними преступлениями, не имели статуса приоритетных, ответ пришел только через три месяца. Полученные им материалы не оказались панацеей и не давали ключа к немедленному раскрытию дела, но Босх сумел ухватиться за очень важную ниточку. А если учесть, что двадцать лет в расследовании смерти Аннеке Йесперсен не наблюдалось вообще никаких сдвигов, это было уже не так плохо.

Баллистическая экспертиза вывела Босха на Руфуса Коулмана – одного из наиболее одиозных членов банды «Роллинг-Сикстиз» из группировки «Крипс». Но сорокаоднолетний Коулман отбывал в это время срок за убийство в главной тюрьме штата Калифорния – Сан-Квентине.

Глава вторая

Время близилось к полудню, когда дверь открылась и два тюремных надзирателя ввели Коулмана в комнату для допросов. С руками, скованными за спиной, его усадили на стул напротив Босха. Охранники предупредили своего подопечного, что будут следить за каждым его движением, и вышли, предоставив Босху и Коулману разглядывать друг друга.

– Ты ведь коп, верно? – спросил Коулман. – А ты знаешь, чем мне может аукнуться разговор с копом наедине, если эти двое за дверью пустят слухок?

Босх не ответил, всматриваясь в сидевшего перед ним человека. Ему показали фотографии из личного дела, но на них было только лицо. Он догадывался, что Коулман крепкий верзила – не зря он считался одним из главных костоломов «Роллинг-Сикстиз», – но не до такой же степени! Его визави состоял из мускулов почти скульптурной лепки, причем шея в буквальном смысле выглядела толще головы даже вместе с ушами. Благодаря шестнадцатилетним отжиманиям, подтягиваниям, приседаниям и прочим физическим упражнениям, которыми можно было заниматься в камере, его грудь далеко выступала за линию подбородка, а согнув руку в локте, он, казалось, мог бы бицепсом превратить в порошок скорлупу грецкого ореха. На фото в досье у него были искусственно обесцвеченные волосы, но теперь голова оказалось начисто выбритой, и кожу на ней он превратил в религиозное послание. По обе стороны тюремный татуировщик синими чернилами изобразил два одинаковых креста, увитых колючей проволокой. «Уж не попытка ли это воздействовать на комиссию по условно-досрочному освобождению? – подумал Босх. – Дескать, глядите, я обрел веру. Я спасен. Это же ясно обозначено на моем черепе!»

– Да, я – коп, – сказал Босх после паузы. – Из Лос-Анджелеса.

– Шериф или из управления?

– Из управления. Моя фамилия Босх. И хочу сразу предупредить тебя, Руфус, что этот день может стать как счастливейшим, так и самым неудачным в твоей жизни. А главное, выбор будет целиком и полностью предоставлен тебе самому. Ты просто счастливчик. Ведь большинство из нас судьбу не выбирают – нам просто везет или нет. А ты сможешь выбрать, Руфус. Но только сделать это придется прямо сейчас.

– Ага! Так я тебе и поверил! Ты что, добрый волшебник с мешком счастья?

Босх кивнул:

– Да, но только сегодня.

Еще до того, как привели Коулмана, Босх положил на стол перед собой папку. Теперь он открыл ее и достал два письма. Конверт с уже наклеенной маркой и написанным адресом он специально расположил так, чтобы Коулман ничего не мог прочитать.

– Как мне сказали, в следующем месяце будут рассматривать твою повторную просьбу о досрочном освобождении, – заметил Босх.

– Так и есть, – подтвердил Коулман с едва заметными нотками заинтересованности и одновременно беспокойства.

– Что ж, если ты не знаком с процедурой, то скажу тебе: на слушании обязательно будут присутствовать по крайней мере двое из членов совета, отклонившие твою первую просьбу два года назад. Так что, считай, ты уже имеешь двоих, настроенных против тебя, Руфус. Понимаешь, к чему я клоню? К тому, что тебе может понадобиться помощь.

– Сам Господь Бог на моей стороне.

Он склонил голову и помотал ею перед Босхом, чтобы тот мог лучше разглядеть кресты на коже. Они напомнили Гарри эмблемы команд на шлемах футболистов⁵.

⁵ Имеется в виду американский футбол.

– Если хочешь знать мое мнение, то пары татуировок будет маловато.

– Да плевать я хотел на твоё мнение, шестерка поганая. Твоя помощь мне уж точно без надобности. У меня все бумаги справлены как надо, за меня капеллан блока «Д» и безупречное поведение. А ещё я получил письмо с прощением от семьи Реджиса.

Уолтером Реджисом звали человека, которого Коулман хладнокровно расстрелял в упор.

– Неужели? И почему обошлось письмишко?

– Я за него ни цента не выложил. Только молился, и Бог ниспослал мне его. Семья теперь знает, что я уже не тот, каким был прежде, и они готовы простить мне мой грех, как велит прощать Господь.

Босх кивнул и долго смотрел на лежавшие перед ним письма, прежде чем продолжить.

– Что ж, я вижу, у тебя все на мази. Ты запасся письмом и Божьей помощью. Вполне возможно, ты действительно не нуждаешься в моей поддержке, Руфус, но вот что уж точно тебе не нужно, так это моё противодействие. В этом вся штука. А я могу разрушить любые твои надежды. Ты этого хочешь?

– Ага, вот оно, значит, как! Давай, выкладывай. Что за игру ты со мной затеял?

Босх снова кивнул. Пора было переходить к сути. Он поднял со стола конверт.

– Видишь вот это? Здесь написан адрес Совета по условно-досрочному освобождению в Сакраменто, в углу проставлен твой здешний личный номер, марка наклеена. Можно отправлять хоть сейчас.

Он положил конверт и приподнял за углы оба письма, держа их так, чтобы Коулман мог не просто их видеть, но и прочитать текст.

– Одно из этих писем я вложу в конверт и брошу в первый же почтовый ящик на выходе отсюда. А ты просто должен решить, какое именно.

Коулман подался вперед, и Босх услышал, как цепь на его руках звякнула о металлическую спинку стула. Он действительно был столь огромен, что казалось, будто носит футбольные наплечники под серым тюремным комбинезоном.

– Говори яснее, свинья. Я что-то ни слова разобрать не могу в твоих бумажонках.

Босх откинулся на спинку стула и развернул письма текстом к себе.

– Как я и сказал, это письма в Совет по условно-досрочному. В одном отзыв о тебе положительный. Там говорится, что ты глубоко раскаялся в совершенных преступных деяниях и оказал мне неоценимое содействие при раскрытии одного давнего убийства. Заканчивается оно...

– Ни хрена не окажу я тебе никакого содействия, шестерка поганая! Тебе из меня стукача не слепить. И попробуй только распустить свой грязный язык!

– ...заканчивается оно моей настоятельной рекомендацией удовлетворить твоё прошение о досрочном освобождении.

Босх положил письмо на стол, оставив в руке второе.

– А другое может сослужить тебе дурную службу. Здесь нет ни слова о твоём раскаянии, зато говорится, что ты отказался помочь следствию в раскрытии убийства, об обстоятельствах которого располагал важной информацией. Здесь же содержится ссылка на отдел борьбы с уличным бандитизмом полицейского управления Лос-Анджелеса, чья разведка установила, что «Роллинг-Сикстиз» с нетерпением ждут твоего выхода на свободу, чтобы снова использовать как своего основного боевика и...

– А вот это уже полная лабуда! Неслыханный поклеп! Ты не можешь так просто отправить все это дерьмо обо мне!

Босх положил письмо на стол и сложил его, чтобы отправить в конверт. При этом он смотрел на Коулмана с совершенно невозмутимым лицом.

– Сидя здесь, ты, кажется, собираешься диктовать мне, что я могу делать, а чего не могу. Не-е-т, Руфус, так дело не пойдет. Ты дашь мне то, что мне нужно, а я дам нужное тебе. Вот как работает эта система.

Босх последний раз провел пальцем по сгибам письма и начал вкладывать в конверт.

– О каком убийстве ты талдычишь?

Босх пристально посмотрел на Коулмана. Первый добрый признак. Затем сунул руку во внутренний карман пиджака, достал фото Йеспersen, которое распечатали для него с ее пропуска, и показал Коулману.

– Белая девчонка? Я ни хрена не знаю ни о какой белой цыпочке, которую замочили.

– А я и не утверждал, что ты ее знаешь.

– Тогда какого дьявола ты ко мне пристал? Когда ее прикончили?

– Первого мая тысяча девятьсот девяносто второго года.

Цифры защелкали в мозгу Коулмана. Потом он помотал головой и улыбнулся так, словно понял, что имеет дело с очередным тупым копом.

– Ты приперся не по адресу. В девяносто втором я мотал пятерик в Коркоране⁶. Так что закатай губы, великий сыщик!

– Мне прекрасно известно, где ты был в девяносто втором году. Ты думаешь, я бы пришел сюда, не узнав предварительно всю твою подноготную?

– Я понятия не имею об убийстве белой девчонки. Вот тебе и весь сказ.

Босх закивал, всем своим видом показывая, что не собирается с этим спорить.

– Позволь все тебе объяснить, Руфус. И не перебивай, потому что у меня здесь есть еще одно дело, а потом нужно успеть на самолет. Готов выслушать меня?

– Готов. Вываливай свое дерьмо.

Босх снова показал ему фотографию.

– Как ты уже понял, мы говорим о деле двадцатилетней давности. О ночи с тридцатого апреля на первое мая тысяча девятьсот девяносто второго года. Второй ночи беспорядков в Лос-Анджелесе. А вот это – Аннеке Йеспersen из Копенгагена. И она оказалась на Креншо со своими фотоаппаратами. Ей нужно было сделать снимки для датской газеты, на которую она работала.

– Какая нелегкая ее туда занесла? Ей там было совсем не место.

– Возможно, ты прав, Руфус, но вот только она там оказалась. И кто-то поставил ее к стенке в одном из закоулков и выстрелил прямо в глаз.

– Это был не я. Даже не слыхал об этом.

– Мне известно, что это был не ты. У тебя самое надежное в мире алиби. Ты в то время обретался за решеткой. Могу я продолжить?

– Валяй. Рассказывай свою байку.

– Убивший Аннеке Йеспersen пустил в ход «беретту». Мы нашли гильзу прямо на месте. Патрон явно от «беретты» девяносто второй модели.

Босх не сводил глаз с лица Коулмана, чтобы понять, доходит ли до того смысл сказанного.

– Ты слышал меня, Руфус?

– Слышать-то слышал, но только никак не пойму, при чем здесь я?

– Пистолета, из которого застрелили Аннеке Йеспersen, так и не нашли, а дело осталось нераскрытым. Но через четыре года тебя выпускают из Коркорана, а вскоре снова берут под арест и обвиняют в убийстве члена конкурирующей банды Уолтера Реджиса, девятнадцати лет от роду. Ты выстрелил ему в лицо, когда он сидел в ночном клубе на Флоренс. Мотивом послужил тот факт, что он продавал кокс на территории «Сикстиз». Тебя сочли

⁶ Одно из исправительных учреждений штата Калифорния.

виновным в преступлении на основании показаний многочисленных свидетелей и твоего собственного признания, сделанного в полицейском участке. Но вот одного вещдока они так и не нашли. Я говорю о пистолете, которым ты воспользовался, – о «Беретте-девяносто два». Он пропал бесследно. Теперь начал соображать, к чему я клоню?

– Пока что нет.

Он попытался разыграть дурачка. Но Босх был к этому готов. Он твердо знал: Коулман отчаянно хочет выйти из тюрьмы. Рано или поздно до него дойдет, что Босх действительно может как помочь, так и свести его шансы освободиться к нулю.

– Хорошо. Тогда я расскажу, что было дальше, а ты следи за ходом моей мысли, лады? Я постараюсь говорить так, чтобы даже ты все понял.

Он сделал паузу. На этот раз Коулман не стал ему перечить.

– Итак, мы переносимся в девяносто шестой, когда тебе впаляли от пятнадцати до пожизненного и ты послушно отправился в тюрьму, как и положено преданному солдату «Роллинг-Сикстиз». Проходит еще семь лет. На дворе две тысячи третий год, и происходит новое убийство. Уличного торговца «Крипс» с Грейп-стрит Эдди Воэна мочат и грабят, когда он сидит за рулем своей машины, имея при себе сорок фунтов товара и немного косячков. Кто-то подошел со стороны пассажирского сиденья и всадил две пули ему в голову и еще две в грудь. Но только кто же так делает, а? Всем известно, что в таком случае гильзы разлетаются по всей машине. Собрать их некогда. Стрелок успевает подобрать только две и спешит унести ноги.

– И снова не возьму в толк, каким боком это относится ко мне? Я ведь уже парился здесь.

Босх энергично закивал в ответ:

– Совершенно верно, Руфус, ты парился здесь. Но только, видишь ли, к две тысячи третьему году у полиции уже появилась единая компьютерная база данных баллистической экспертизы, созданная в министерстве юстиции. Туда заносятся сведения о каждой пуле или гильзе, найденных на месте преступления или извлеченных из тел убитых.

– Просто научная фантастика!

– В наши дни баллистика, Руфус, стала такой же полезной для борьбы с преступностью, как отпечатки пальцев. Вот они и сравнили гильзы, оставленные на месте убийства Эдди Воэна, с теми, что ты посеял, когда расстреливал Уолтера Реджиса. Оказалось, что оба убийцы воспользовались одним и тем же пистолетом.

– Прямо чудеса науки, чтоб я сдох!

– В самом деле чудеса, но только ведь это все для тебя не новость, Руфус. Я знаю, что к тебе приезжали сюда, чтобы допросить по делу Воэна. Те следователи хотели выяснить, кому ты отдал пистолет после расправы с Реджисом. Еще они пытались узнать имя того, кто в «Роллинг-Сикстиз» отдавал приказы убивать. Кто послал тебя разделаться с Реджисом. Поскольку подозревали, что он же навел потом убийцу на Воэна.

– А! Кажись, теперь припоминаю, хотя давненько это было. Я им тогда не сболтнул ни словечка. И тебе тоже ничего не скажу.

– Точно. Я читал их рапорт. Ты посоветовал им примерно следующее: трахните себя в жопу и убирайтесь откуда пришли. Но понимаешь, девять лет назад ты еще оставался солдатом – храбрым и сильным. Тебе нечего было терять. Ты еще даже не начал думать, что пройдут годы и появится перспектива досрочно выйти на свободу. Это было тогда недостижимой мечтой. Но сейчас-то все изменилось. И еще – теперь речь идет уже о трех убийствах, совершенных из одного пистолета. Я отправил гильзу, найденную на месте гибели Йесперсен, на баллистическую экспертизу. И она в точности совпала с гильзами, фигурирующими в делах Реджиса и Воэна. Три трупа теперь висят на одном стволе – «Беретте-девяносто два».

Закончив тираду, Босх откинулся на спинку стула в ожидании реакции. Коулман не стал больше притворяться, будто не понимает, при чем здесь он.

– Ничем не могу помочь, – сказал он. – Можешь звать этих оглоедов, чтобы увели меня назад в камеру.

– Ты уверен? Ведь я действительно могу тебе помочь.

Он приподнял конверт.

– Или сильно навредить.

Босх снова сделал паузу, выжидая. Потом продолжил:

– В моей власти сделать так, чтобы твое следующее прошение о помиловании приняли к рассмотрению еще лет эдак через десять, не раньше. Тебе этого хочется?

Коулман помотал головой.

– А ты думаешь, я долго здесь протяну, если стану с тобой сотрудничать?

– И недели бы не протянул, это точно. Но ведь о нашем уговоре никто не узнает, Руфус. Я же не прошу тебя дать показания в суде или подписаться под письменным заявлением.

«По крайней мере не сразу», – подумал Босх.

– Мне нужно лишь имя. Строго между нами и только в этих стенах. Мне нужен человек, который заказал Реджиса и дал тебе пистолет. Тот тип, кому ты вернул оружие, сделав свое дело.

Коулман уперся взглядом в стол, раздумывая. Босх догадывался, что он сейчас взвешивает в уме годы своей жизни. Каким бы выносливым ни был солдат, у каждого есть свой предел.

– Тут все сложнее, чем тебе кажется, – наконец вымолвил он. – Заказчик никогда не выходит на стрелка прямо. На это есть другие люди, усек?

Перед поездкой Босх не зря долго беседовал с коллегами из отдела борьбы с уличным бандитизмом. Ему объяснили, что наиболее мощные группировки Южного Централы строились по принципу полувоенных организаций. Это были пирамиды, и находившийся у ее основания боевик вроде Коулмана не мог знать реального заказчика расправы над Реджисом. А потому вопрос стал своего рода проверкой. Назови ему Коулман имя заказчика, Босх мог бы не сомневаться, что ему лгут.

– Хорошо, – сказал он. – Это я понимаю. Тогда давай все упростим. Поговорим только о пистолете. Кто выдал тебе его перед убийством Реджиса, и кому ты его потом вернул?

Коулман кивнул и снова потупил взгляд. Он долго молчал, а Босх ждал. Игра близилась в развязке. За этим он и прилетел сюда.

– Сил моих больше нет, – прошептал Коулман.

Босх не реагировал, стараясь унять волнение. Коулман готов был сломаться.

– У меня есть дочка, – сказал он. – Она уже почти взрослая женщина, а я до сих пор виделся с ней только здесь. На свиданках в тюрьме, и это все.

Босх кивнул:

– Это очень плохо. У меня тоже есть дочь, и мне пришлось много лет жить с ней в разлуке.

Босх видел, как увлажнились глаза Коулмана. Стойкость самого сильного бойца из банды явно истощили годы заключения с постоянным ощущением вины и страха. Шестнадцать лет ему приходилось жить с оглядкой. Вся эта гора мускулов служила лишь прикрытием для морально надломленного человека.

– Назови мне имя, Руфус, – решил немного надавить Босх. – Назови имя, и я отправлю нужное письмо. Уговор есть уговор. Ты же знаешь, что если не поможешь мне, то уже никогда не выйдешь отсюда живым. А с дочкой будешь и дальше общаться только через толстое стекло.

Со скованными за спиной руками Коулман не смог смахнуть непрошеную слезу, скатившуюся по левой щеке, и низко склонил голову.

– ...Стори, – расслышал Босх одними губами произнесенное слово.

– История? При чем здесь история? Назови мне имя.

– А это и есть имя. Трумонт Стори. Он дал мне пистолет для задания и забрал его потом. Босх кивнул. Он выяснил то, зачем сюда приехал.

– Но только ты должен знать... – добавил Коулман.

– Что именно?

– Тру Стори уже мертв. По крайней мере такой сюда проник слух.

К этому Босх постарался подготовиться заранее. Количество убитых бандитов из группировок Южного Лос-Анджелеса за два десятилетия исчислялось тысячами. И потому он не исключал, что ведет поиск человека, которого тоже уже нет в живых. Но знал он и то, что след вовсе не обязательно полностью обрывается на Трумонте Стори.

– Так ты все-таки пошлешь обещанное письмо? – спросил Коулман.

Босх поднялся. Здесь он закончил. Перед ним сидел жестокий и хладнокровный убийца, находившийся именно в том месте, где ему и полагалось быть. Но Босх дал ему слово.

– Ты, должно быть, прокрутил это в голове уже миллион раз, – сказал он. – Но мне интересно, что ты станешь делать, когда выйдешь отсюда и обнимешь дочку?

Коулман ответил мгновенно:

– Я найду какой-нибудь угол...

Он осекся, поняв, что Босх мог неверно истолковать его намерения.

– Я найду угол и начну там проповедовать. Я расскажу людям о той истине, которая мне открылась. Пусть ее узнают все. У общества больше не будет со мной проблем. Я останусь солдатом, но только солдатом Господа.

Босх понимал его. Он знал многих бывших заключенных, собиравшихся на свободе целиком посвятить себя служению Богу. Это удавалось лишь единицам. Система была построена так, что снова засасывала людей в трясины. В глубине души Босх предвидел, что с Коулманом скорее всего произойдет именно это. И все же сказал:

– В таком случае я непременно отправлю письмо.

Глава третья

На следующее утро Босх поехал в расположенное на Бродвее Южное бюро, чтобы встретиться с детективом Джорди Гантом из отдела борьбы с уличным бандитизмом. Гант сидел за рабочим столом и говорил по телефону, но звонок, по всей видимости, был не слишком важным – он почти сразу положил трубку.

– Ну, как прошло свидание с Руфусом?

Он понимающе улыбнулся, явно ожидая услышать от Босха, что посещение Сан-Квентина оказалось пустой тратой времени.

– Да как сказать. Коулман назвал мне нужное имя, но сообщил, что этого человека уже нет в живых. Так что он, должно быть, играл со мной, хотя я думал, будто сам с ним играю.

– Что за имя?

– Трумонт Стори. Слышал о таком?

Гант кивнул и взял небольшую кипу папок, лежавшую на краю стола. Рядом стояла черная коробочка с надписью «“Роллинг-Сикстиз”: 1991–1994 годы». Босху такие коробочки были хорошо знакомы. В прежние годы в них хранились карточки с данными уличных допросов. Было это, разумеется, до того, как всю собранную информацию стали вводить в память компьютеров.

– Можешь себе представить? – сказал Гант. – Досье на Тру Стори совершенно случайно оказалось прямо под рукой.

– С трудом, – буркнул Босх, взяв у него одну из папок и открыв ее как раз на той странице, куда была вклеена фотография форматом восемь на десять, запечатлевшая труп мужчины, распластанный на тротуаре. В левом виске отчетливо виднелось входное отверстие от пули, причем стреляли в упор. На выходе пуля вышибла ему правый глаз. К моменту, когда был сделан снимок, на плитках тротуара образовалась лишь небольшая лужица запекшейся крови.

– Мило, – заметил Босх. – Похоже, он подпустил кого-то к себе слишком близко. Убийство, конечно, не раскрыто и все еще расследуется?

– Так и есть.

Гарри пролистал досье и нашел оригинал первичного протокола с датой совершения преступления. Трумонта Стори убили почти три года назад. Он закрыл папку и посмотрел на Ганта, удобно расположившегося в своем кресле.

– Тру Стори убили еще в две тысячи девятом, а у тебя на столе совершенно случайно по-прежнему лежит его дело?

– Нет, конечно. Я специально достал его для тебя вместе с двумя другими. Кроме того, я подумал, что тебе будет полезно взглянуть на карточки уличных допросов за тысяча девятьсот девяносто второй год. Никогда ведь не знаешь, где нападешь на след. Вдруг там тебе попадется имя, которое покажется знакомым?

– Всякое бывает. Но почему ты вытащил на свет божий именно эти дела?

– После разговора с тобой о расследовании старого убийства и совпадении по баллистике с двумя другими случаями... Получилось, что мы имеем три убийства, один пистолет, трех разных стрелков. И я решил...

– Вообще-то, хотя это маловероятно, но стрелков могло быть всего два. Человек, прикончивший мою жертву в девяносто втором году, мог в две тысячи третьем убраться и Возна.

Гант покачал головой.

– Действительно почти невероятная версия, – сказал он. – Слишком большая натяжка. А потому я все-таки держался первоначальной теории: три жертвы, три стрелка, один пистолет. И решил прошерстить все случаи с членами «Роллинг-Сикстиз». То есть, разумеется,

только те, когда они оказывались фигурантами дел об убийствах: либо киллерами, либо их жертвами. Мне хотелось проверить, нет ли там чего-то, что тоже можно связать именно с этим пистолетом. Но нашел я лишь три досье на убитых с помощью огнестрельного оружия, где никакого материала для баллистической экспертизы на месте обнаружено не было. Две жертвы из банды «Семь троек», и, как ты уже догадался, Трумонт Стори.

Босх, все это время стоявший, придвинул стул и уселся.

– Могу я просмотреть две другие папки?

Гант передал ему материалы, и Босх начал бегло изучать содержимое. Это не были полноценные дела об убийствах. В папках хранились общие сведения о бандах, где об этих преступлениях упоминалось лишь вкратце. Сами дела находились у детективов, возглавлявших расследования. И если Босху понадобятся подробности, придется либо делать письменный запрос, либо просто ненадолго заглянуть к сыщикам и попросить разрешения ознакомиться с документами.

– Типичные случаи, – заметил Гант, пока Босх читал. – Начинаешь приторговывать не на том перекрестке или разводишь амуры с девицей не из того квартала, и тебя приговаривают к смерти. А Трумонта Стори я добавил сюда, поскольку его убили где-то в другом месте, а труп потом просто подбросили.

Босх оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на Ганта.

– Почему это показалось тебе важным?

– Его могли прикончить свои. Члены его же банды. Разделавшись с чужаком, бандиты всегда оставляют тело на месте убийства. Зачем лишняя возня, если на то нет особой причины? А в данном случае напрашивается самое простое объяснение. Они хотели скрыть, что Стори стал жертвой разборок внутри своей стаи. Его труп подкинули во владения «Семи троек», и складывалось впечатление, что убили его, по всей вероятности, на своей территории, а потом перевезли на вражескую, словно он сам перешел границу.

Босх стал делать заметки, но Гант лишь пожал плечами.

– Учти, это всего лишь рабочая версия. Расследование продолжается.

– Такие рабочие версии на пустом месте не рождаются, – возразил Босх. – Что тебя натолкнуло на эту гипотезу? Ты специально занимался этим случаем?

– Ты же знаешь, я не из убойного подразделения. Моя задача – вести разведку. Но меня приглашали для консультаций. Правда, было это еще тогда – три года назад. И на самом деле я знаю только, что дело пока не раскрыто.

Отдел борьбы с уличным бандитизмом с годами разросся в огромную и почти самостоятельную организацию, формально являющуюся частью полицейского управления Лос-Анджелеса. У них было свое подразделение для расследования убийств, свои оперативники, своя разведка и специальная группа для работы с населением.

– Ладно, допустим, ты только консультировал, – сказал Босх. – И все-таки, что ты выяснил три года назад?

– Начнем с того, что Стори стоял достаточно высоко в иерархической пирамиде, о которой я тебе рассказывал прежде. А на таком уровне нередко начинаются свои конфликты. К вершине рвется каждый, но когда ты до нее добрался, нужно постоянно быть начеку и поглядывать, не метит ли кто на твое место.

Гант жестом указал на папки в руках Босха.

– Ты отлично сам все понял, только взглянув на фото. Он подпустил к себе кого-то слишком близко. Здесь ты попал в яблочко. Знаешь, как часто при бандитских убийствах стреляют в упор? Почти никогда. Только если стрельба начинается в тесном помещении вроде ночного клуба или ресторана. Но это большая редкость. Как правило, эти ребята не приближаются к жертве и не вступают с ней в личный контакт. Но вот в случае с Тру Стори произошло именно так. А потому сразу возникла версия, что это дело рук самих «Сикстиз».

Некто стоящий в пирамиде еще выше посчитал, что от Стори надо избавиться, и приказ исполнили. Но главное здесь другое. Его вполне могли убить из того пистолета, который ты отслеживаешь. Верно, ни свинца, ни гильзы так и не нашли, но характер нанесенных повреждений соответствует девятому калибру, а теперь, когда с помощью Руфуса Коулмана ты определил, что та «Беретта-девяносто два» имела к Трумонту Стори непосредственное отношение, наша прежняя теория становится еще более правдоподобной.

Босх кивнул. Многие в этих рассуждениях представлялось ему вполне логичным.

– И все же ваш отдел так и не смог установить причину происшедшего?

Гант покачал головой:

– Нет, наши люди и близко не подошли к разгадке. Тебе нужно понять одну важную вещь, Гарри. Правоохранительным органам многое известно только о самой нижней части пирамиды. На уличном уровне, поскольку только он нам и виден.

В устах Ганта это прозвучало как признание, что отдел борьбы с уличным бандитизмом (или сокращенно УБ) в основном имел дело с мелкими торговцами наркотиками и преступлениями в их среде. Если убийство не раскрывали в первые сорок восемь часов, то уже вскоре приходилось переключаться на новое дело. Это была война на износ с обеих сторон.

– Что ж... – вздохнул Босх, – тогда давай вернемся к убийству Уолтера Реджиса в тысяча девятьсот девяносто втором году, смертный приговор которому привел в исполнение Руфус Коулман, после чего угодил за решетку на всю катушку. Коулман сказал, что получил и пистолет, и инструкции у Тру Стори, выполнил задание и вернул пистолет ему же. Но, по его словам, не сам Стори распорядился разделаться с Реджисом. Тому тоже кто-то давал инструкции. У вас есть хоть какое-то представление, кто именно? Кто приказывал убивать членам «Роллинг-Сикстиз» в девяносто шестом?

Гант лишь снова покачал головой. Ему постоянно приходилось это делать в разговорах с Босхом.

– В то время меня еще не было в отделе, Гарри. Я служил простым патрульным на юго-востоке. И, сказать по правде, мы все очень долго были наивны в своем подходе к проблеме. Мы даже провели тогда спецоперацию против банд. Помнишь ее?

Босх помнил. Стремительный рост численности уличных банд и связанный с этим резкий скачок преступности напоминал тогда «кокаиновую эпидемию», охватившую город в 1980-х. Полиция Южного Централла не справлялась с огромным объемом работы и решила нанести массированный удар в виде специальной операции под кодовым наименованием ЖУТЬ – «Жители Лос-Анджелеса против уличных торговцев». Уже никто не помнил автора этого «гениального» сокращения, но над ним поиздевались всласть, утверждая, что полицейские потратили куда больше времени и сил, трудясь над названием, чем на осуществление самой операции. И в самом деле, ЖУТЬ навела страху только на самые низы преступной пирамиды, срывая розничную торговлю зельем, но почти не затронув командной верхушки. И неудивительно. Рядовые члены банд, занимавшиеся сбытом наркотиков и выполнявшие самую грязную работу по запугиванию и расправе с конкурентами, редко знали больше, чем им было положено, да и этой скудной информацией не спешили делиться с правоохранительными органами.

Это были по большей части молодые парни из Южного Лос-Анджелеса, совсем еще юнцы, но уже решительно настроенные против защитников порядка. Вскормленные на расизме, наркотиках, полном равнодушии общества, разложении семейных традиций, лишенные возможности получить хоть какое-то образование, они вскоре оказывались на улице, где обнаруживали, что могут за день заработать больше, чем их матери приносили домой после месяцев честного труда. К тому же им помогал утвердиться в своей правоте новомодный рэп, несшийся из магнитол проезжавших мимо машин, – живи по своим законам, и плевать тебе на полицию, как и на всех остальных так называемых добропорядочных

граждан! Аресты и тюрьмы воспринимались ими как неизбежная часть жизни в банде, необходимая школа, чтобы пройти процесс созревания, возможность повысить свой статус среди себе подобных. Помощь полиции не могла принести никакой пользы, наоборот – делала тебя изгоем в бандитской семье, а это почти всегда означало смертный приговор.

– Короче, ты хочешь сказать, – подвел итог Босх, – что нам неизвестно, на кого непосредственно работал Трумонт Стори в то время и где он взял пистолет, который передал Коулману для расстрела Реджиса?

– Да, в общих чертах. За исключением пистолета. Как я предполагаю, он всегда принадлежал самому Стори, который по мере необходимости выдавал его своим подчиненным. Понимаешь, сейчас мы знаем гораздо больше, чем нам было известно тогда. И если применить новые знания к ситуации тех дней, то вырисовывается примерно такая картина. Есть некий человек на самом верху или очень близко к верхушке пирамидальной структуры под названием уличная банда «Роллинг-Сикстиз». Его ранг я бы приравнял к капитану. И он хочет, чтобы парня по имени Уолтер Реджис наказали смертью за то, что он начал торговать там, где ему не положено. Наш капитан вызывает верного сержанта по имени Трумонт Стори и отдает ему приказ убрать Реджиса. С этого момента за все отвечает Стори, который должен выполнить задание максимально эффективно, чтобы сохранить завоеванное прежде положение в организации. Он останавливает свой выбор на уже проверенном в деле солдате Руфусе Коулмане, вручает ему «пушку» и рассказывает, в каком клубе любит тусоваться Реджис. Когда же Коулман отправляется на работу, Стори обеспечивает себе алиби, поскольку пистолет все-таки принадлежит ему. Делается это на всякий случай, ибо маловероятно, что пистолет попадет в руки полицейских и они сумеют связать его с истинным владельцем. Так это происходит сейчас и, я уверен, так же происходило и в прошлом, но только схема еще не была нами изучена.

Босх почувствовал подступающую безнадежность. Его поиски оказывались пока совершенно бесплодными. Трумонт Стори мертв и тайну пистолета унес с собой в могилу. Босх так же был далек от понимания, кто убил Аннеке Йесперсен, как и в ту ночь, когда в последний раз бросил взгляд на ее тело и извинился перед ней. Он не продвинулся вперед ни на шаг.

От Ганта не укрылось его настроение.

– Жаль, но больше ничем помочь не могу, Гарри.

– Твоей вины здесь нет.

– Взгляни на дело с другой стороны. Вероятно, ты теперь избавляешься от целой кучи проблем.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты не понимаешь? С того времени осталась кипа нераскрытых дел. И представь, что единственным раскрытым из них окажется убийство белой женщины. Догадываешься, какую реакцию это может вызвать среди здешнего населения?

Босх окинул пристальным взглядом чернокожего Ганта. Над расовыми аспектами проблемы он пока не задумывался. Ему просто требовалось раскрыть убийство, мысли о котором не давали покоя уже двадцать лет.

– Наверное, ты прав, – сказал он.

Они долго сидели молча, потом Босх спросил:

– Как считаешь, это может повториться?

– Ты говоришь о массовых беспорядках?

Босх кивнул. Почти вся карьера Ганта была связана с Южным Лос-Анджелесом, и кому знать ответ на этот вопрос, как не ему?

– Само собой, в этих краях может случиться что угодно, – сказал Гант. – Стали ли отношения между полицией и населением лучше, чем прежде? Да, и значительно. Среди

местных есть даже такие, кто нам полностью доверяет. Заметно снизилось число убийств. Да что там! Преступность в целом пошла на убыль, и мелкие бандюки не разгуливают больше по улице королями. Мы взяли все под контроль. И народ нам в этом помог.

Он замолчал. Босх ждал продолжения, но его не последовало.

– Но... – попытался он заставить Ганта выложить всю правду.

Тот пожал плечами.

– Конечно, есть большое «но». Слишком высок уровень безработицы, магазины закрываются, бизнесмены разоряются. У людей здесь чересчур мало возможностей, Гарри. А ты сам прекрасно знаешь, к чему это приводит. Депрессия, агрессивность, отчаяние. Вот почему я считаю, что ничего нельзя исключать. История ходит по кругу, то и дело повторяясь. А значит, тут может случиться что угодно. Вот тебе мое мнение.

Примерно этого Босх и ожидал. Его собственное восприятие окружающей действительности мало отличалось от видения ее Гантом.

– Могу я на время забрать у тебя эти папки? – спросил он.

– Ради Бога, только не забудь вернуть, – сказал Гант. – Я еще хотел одолжить тебе эту черную коробку.

Он потянулся назад и взял коробку с картотекой. Когда же обернулся, на лице Босха играла улыбка.

– Что такое? Это тебе не нужно?

– Нет, как раз очень нужно. Мне просто вспомнился напарник, с которым я когда-то работал вместе. Его звали Фрэнки Шихан, и он...

– Я знавал старину Фрэнки. Жаль, что с ним так вышло.

– Мне тоже. Но пока мы работали вместе, у него была любимая теория о том, что касалось убийств. Он говорил, что в каждом деле нужно найти его «черный ящик». Обнаружить «черный ящик» – вот основа основ.

Гант не сразу понял смысл его слов.

– Имеется в виду «черный ящик», как в самолетах?

– Именно, – подтвердил Босх. – При крушении самолета в первую очередь нужно найти его «черный ящик» с записями данных о полете. Если это удастся, становится понятно, что произошло. Фрэнки был уверен, что это справедливо в отношении места преступления и улик, когда совершается убийство. Всегда есть какая-то вещь, которая сразу все проясняет, и события выстраиваются в логическую цепочку. Если ты ее обнаружил, считай, что ты в шоколаде. А сейчас я, можно сказать, получаю такой «черный ящик» из твоих рук.

– Ну, на эту коробочку я бы не возлагал слишком больших надежд. В ней мы сохранили всего лишь карточки уличных допросов начиная с интересующего тебя времени.

До того как каждый патрульный автомобиль оборудовали МКТ – мобильным компьютерным терминалом, – полицейские носили в задних карманах брюк специальные формы протоколов уличных допросов. По сути, это были карточки размером три на пять дюймов, в которые заносились данные при снятии показаний на ходу. В карточку вписывались дата, время и место проведения допроса, а также имя и фамилия, известные клички, описание татуировок и принадлежность к определенной банде допрашиваемого. Ниже оставалось немного места для особых отметок и комментариев офицера, куда он вносил прочую информацию, которая в будущем могла представлять интерес.

Местное отделение Американского союза за гражданские права долго добивалось запрещения уличных допросов, проводившихся без ордеров и являвшихся, соответственно, неконституционными действиями, но полицейское управление стояло на своем, и практика уличных бесед с подозреваемыми продолжалась.

Босх взял коробку, открыл крышку и обнаружил внутри множество уже основательно потрепанных карточек.

– Как все это удалось сохранить во время чистки? – спросил он.

Гант понимал: он имеет в виду случившееся в других отделах управления, где все бумаги уничтожали после занесения данных в память компьютеров, торжественно знаменуя этим актом вступление полиции в век электроники.

– Понимаешь, мы как-то сразу догадались, что при загрузке архивов в машину они обязательно что-нибудь потеряют. Это написано пером, Гарри. Бывали случаи, когда офицер не мог разобрать чужого почерка, и это спасало ему жизнь. Но это шутка. А суть, конечно же, в том, что большую часть подобной информации наверняка сочли несущественной и поленились компьютеризировать. Улавливаешь? А потому мы припрятали несколько черных коробок в укромном месте. И тебе повезло, Гарри, потому что коробка с карточками на «Сикстиз» уцелела. Надеюсь, ты найдешь там хоть что-то полезное.

Босх отодвинул стул и поднялся.

– Постараюсь вернуть тебе все это в целостности и сохранности.

Глава четвертая

Еще до полудня Босх успел возвратиться к себе в отдел нераскрытых преступлений. В комнате не было почти ни души, поскольку большинство сыщиков начинали рабочий день рано, а потому так же рано уходили обедать. Дэвида Чу, напарника Гарри, тоже на месте не наблюдалось, но его это нисколько не волновало. Чу мог обедать, работать в другой части здания или вовсе отправиться в одну из лабораторий, располагавшихся в соседних корпусах. Босху достаточно было знать, что Чу занят сейчас сразу несколькими расследованиями на предварительных этапах, когда только начинается сбор генетического материала, отпечатков пальцев, баллистический анализ, чтобы эксперты дали по ним заключения и попытались найти совпадения с уликами из других дел.

Поставив коробку и лежавшие поверх нее папки на свой стол, он взялся за телефон, чтобы проверить сообщения. Выйти с ним на связь никто не пытался. Он уже собирался просмотреть полученные от Ганта материалы, когда рядом с его рабочей кабинкой замаячила фигура нового начальника отдела. Лейтенант Клифф О'Тул был новичком не только в отделе нераскрытых преступлений, но и в уголовном розыске вообще. Его перевели сюда с участка на бульваре Ван-Нуйс, где он командовал оперативно-тактической группой. Босху еще не доводилось сталкиваться с ним достаточно часто, но, судя по тому, что он видел сам и слышал от других коллег, ничего хорошего это назначение не сулило. За рекордно короткое время руководства отделом лейтенант ухитрился заработать от своих подчиненных сразу две клички, причем обе с откровенно негативным подтекстом.

– Как прошла ваша командировка, Гарри? – спросил О'Тул.

Прежде чем разрешить посещение Сан-Квентина, он настоял, чтобы его посветили во все детали дела и пояснили, почему так важна связь пистолета, примененного при убийстве Йесперсен, с расправой над Уолтером Реджисом, учиненной Коулманом.

– И хорошо, и в то же время не очень, – ответил Босх. – Коулман назвал мне имя. Это некий Трумонт Стори. Коулман признался, что Стори снабдил его пистолетом для казни Реджиса, который потом забрал у него. Проблема, однако, в том, что я не могу взять в оборот Стори, поскольку тот тоже уже мертв – схлопотал пулю в затылок. А потому пришлось провести часть сегодняшнего утра в Южном участке, чтобы проверить, насколько правдива версия о причастности Стори к делу с точки зрения прежде всего фактора времени. Это оказалось полезно. Теперь я уверен, что Коулман дал правдивые показания, а не просто попытался списать все грехи на человека, которого уже нет в живых. Так что нельзя сказать, что командировка ничего не дала, хотя и не приблизила меня к пониманию, кто убил Аннеке Йесперсен. Я продолжаю над этим работать.

И он жестом показал на коробку с карточками и папки на своем столе.

О'Тул кивнул с задумчивым видом, скрестил руки на груди и присел на край стола Чу – как раз туда, где напарник ставил свой кофе. Будь Чу на месте, ему бы это не понравилось.

– Не люблю тратить бюджетные средства на пустые прогулки, – заметил О'Тул.

– Но это не было пустой прогулкой, – терпеливо повторил Босх. – Мне удалось выяснить имя, и это имя имеет прямое отношение к делу.

– Быть может, нам пометить данный случай грифом ДРН и на этом закончить? – предложил О'Тул.

Аббревиатура ДРН означала: дальнейшее расследование невозможно. Обычно так помечались дела, обстоятельства которых удалось установить, но это не приводило к аресту и передаче материалов в прокуратуру, поскольку главный подозреваемый был либо уже мертв, либо в силу других причин его не удавалось привлечь к ответственности. В отделе нераскрытых преступлений такие штампы ставились на папки с делами особенно часто по

той простой причине, что детективам здесь приходилось расследовать заведомо давние случаи, и по результатам экспертизы ДНК или совпадения отпечатков пальцев в единой базе данных они в итоге выходили на подозреваемых, успевших уже отойти в мир иной. После консультации с прокурорским надзором начальник подразделения получал полное право списать дело в архив, при этом оно больше не числилось среди «висяков», улучшая показатели работы полиции.

Но Босх не собирался поступать так с убийством Йесперсен.

– Это дело пока еще нельзя квалифицировать подобным образом, – твердо возразил он. – Я установил всего лишь, что пистолет попал в руки Трумонта Стори через четыре года после расследуемого убийства. Но ведь за это время он мог пройти через десятки других рук. Необходима тщательная проверка.

– Пусть даже так, – сказал О’Тул, – но я не люблю, когда детективы превращают работу в хобби. У нас тут шесть тысяч других дел. Ключ к правильной работе с ними в умении точно распределить время.

При этом он сложил кисти рук, словно желая показать, до какой степени скован временными рамками. Здесь в полной мере проявилась особенность характера О’Тула, с которой Босх едва ли смог бы примириться. Тот был чиновником до мозга костей, а не полицейским в полном смысле этого слова. И потому к нему так легко прилепилась первая из кличек – «Инструмент»⁷.

– Я все прекрасно понимаю, лейтенант, – сказал Босх. – Мой план как раз и состоит в том, чтобы еще какое-то время поработать с этими материалами, и если вскоре не получу результатов, непременно переключусь на другое дело. Однако то, что я имею сейчас, никак нельзя списать как ДРН. Так что с его помощью при всем желании нашу статистику улучшить не получится. В этом виде оно так и будет числиться среди нераскрытых преступлений.

Босх сразу хотел показать новому начальнику, что не собирается добиваться показателей ради показателей. Дело будет списано как ДРН, только когда сам Босх признает его таковым. А одного лишь факта, что человек, владевший орудием убийства четыре года спустя, умер, для этого явно недостаточно.

– Хорошо, я готов посмотреть, куда это вас заведет, – сказал О’Тул. – Надеюсь, вы не считаете, что я буду заниматься приписками? Но в то же время меня назначили, чтобы я подтянул результаты работы отдела. Мы должны повысить раскрываемость. А для этого нужно прежде всего расширить охват расследований. Вот почему я вынужден повторить еще раз: если это дело зашло в тупик, беритесь за другое, в котором, возможно, добьетесь быстрого успеха. Никаких хобби, Гарри. Сразу после своего назначения я обнаружил, что почти у каждого здесь есть любимые дела, которым уделяется незаслуженно много внимания. Теперь с этим будет покончено. У нас просто нет времени.

– Вас понял, – коротко ответил Босх.

О’Тул повернулся и пошел к своему кабинету. Босх насмешливо отсалютовал вслед начальнику, с мстительной радостью заметив темный круг от кофе, отпечатавшийся у него на брюках.

До О’Тула отдел возглавляла женщина-лейтенант, любившая отсиживаться в кабинете с закрытыми жалюзи. Ее общение с подчиненными сводилось к минимуму. О’Тул оказался полной противоположностью. Он совал нос во все до такой степени, что это подчас становилось невыносимым. Назойливость раздражала еще и потому, что был он моложе большинства офицеров отдела, а уж Босх ему просто в отцы годился. Его постоянное желание давать руководящие указания гораздо более опытным сотрудникам было столь очевидно бессмысленным, что Босх невольно фыркал в воротник при каждом появлении шефа.

⁷ Игра слов, основанная на созвучии фамилии и английского слова tool.

К тому же в нем сразу разглядели типичного канцелярского начетчика. Он хотел, чтобы преступления раскрывались только ради того, чтобы в его ежемесячных рапортах, направляемых на десятый этаж, красовались внушительные цифры. Стремление восстановить справедливость и покарать виновных в позабытых уже убийствах? Подобные мотивы представлялись ему чистой абстракцией. Человеческих аспектов в работе полиции он, похоже, не воспринимал вообще. Босх, например, уже получил от него нагоняй за то, что потратил полдня на сына одной из жертв, когда тот попросил показать ему место, где двадцать два года назад пал от руки убийцы его отец. Лейтенант заявил, что парень вполне мог найти его сам, а Босху следовало не терять время попусту, а корпеть над очередным делом.

Лейтенант внезапно развернулся и вновь подошел к его кабинке. Босх заподозрил, что он заметил его саркастический салют в оконном отражении.

– Да, еще пара вопросов, Гарри. Не забудьте отчитаться о расходах по командировке. Бухгалтерия мне всю плешь проела, напоминая, что финансовую отчетность нужно сдавать вовремя, и мне лично важно, чтобы вам возместили средства, которые пришлось выложить из своего кармана.

Босх вспомнил о деньгах, положенных им на счет в тюремной столовой для второго заключенного, которого он посетил в тот день.

– Не стоит об этом беспокоиться, – сказал он. – Я не сильно потратился. Гамбургер в «Бальбоа», вот и все.

«Бальбоа бар и гриль» в Сан-Франциско, расположенный по пути от аэропорта к Сан-Квентину, был любимой забегаловкой сыщиков из полицейского управления Лос-Анджелеса.

– Вы уверены? – спросил О’Тул. – Мне не хотелось бы вас сильно ограничивать.

– Уверен.

– Что ж, хорошо.

И О’Тул снова хотел удалиться, но Босх остановил его:

– А второй вопрос? Вы сказали, что их у вас пара.

– Ах, ну конечно, Гарри. С днем рождения!

– Как вы узнали? – удивился Босх.

– Я помню дни рождения всех, кто на меня работает.

Босх кивнул. Слух резануло только одно: он бы предпочел, чтобы О’Тул употребил выражение «вместе со мной», а не «на меня».

– Спасибо.

О’Тул наконец оставил его в покое, и Босх порадовался, что в пустой сейчас комнате никто не слышал, что у него сегодня день рождения. В его возрасте посыпались бы шутки и расспросы, что он будет делать на пенсии. А как раз этого ему совершенно не хотелось.

Оставшись наконец один, Босх решил составить временной график. Начал он с убийства Йесперсен, обозначив его датой 1 мая 1992 года. Хотя точное время смерти так и не было установлено и она вполне могла погибнуть поздним вечером 30 апреля, он решил все-таки, что 1 мая будет правильнее – именно в тот день обнаружили тело Йесперсен, и все говорило о том, что застрелили ее тогда же. От исходной точки он провел линию с обозначением всех убийств, наверняка или предположительно совершенных с помощью пистолета «Беретта-92», вплоть до последнего. А потому на графике оказались помеченными и два случая из архива Ганта, которые он посчитал связанными с первоначальным делом.

График Босх начертил на простом листе бумаги, а не вывел на дисплее компьютера, как поступили бы многие его коллеги. Он оставался верен старым привычкам и любил документы, выполненные от руки, которые можно было носить в кармане, еще раз на ходу изучить и в любой момент подправить. Ему хотелось всегда иметь график при себе.

Рядом с каждой точкой на схеме он оставил достаточно свободного пространства, чтобы по мере необходимости вносить изменения и комментарии. Так он работал всегда.

1 мая 1992 года – Аннеке Йесперсен – между Шестьдесят седьмой улицей и Креншо (убийца не установлен).

2 января 1996 года – Уолтер Реджис – угол Шестьдесят третьей улицы и Бринхерст (Руфус Коулман).

30 сентября 2003 года – Эдди Воэн – угол Шестьдесят восьмой улицы и Ист-парк (убийца не установлен).

18 июня 2004 года – Данте Спаркс – между Одиннадцатой авеню и Гайд-парком (убийца не установлен).

8 июля 2007 года – Байрон Беклс – между Сентинала-парк и Степни-стрит (убийца не установлен).

1 декабря 2009 года – Трумонт Стори – угол Западной Семьдесят шестой улицы и Серкл-парк (убийца не установлен).

При последних трех убийствах, упоминавшихся в подготовленных Гантом папках, полностью отсутствовали данные по баллистике. Еще раз просмотрев график, Босх заметил семилетний промежуток времени, прошедший между убийствами Реджиса и Воэна, а потом взглянул на сведения о Трумонте Стори, полученные им из базы данных Национального центра криминалистической информации, или сокращенно НЦКИ. В 1997–2002 годах Стори отбывал тюремный срок за нанесение тяжких телесных повреждений. Если все это время Стори хранил пистолет в одном из известных ему мест, перерыв в использовании оружия легко находил объяснение.

Босх открыл затем изданный «Братьями Томас» атлас улиц Лос-Анджелеса и карандашом отметил точки, где были совершены убийства. Первые пять убийств уместились на одной странице толстого атласа, поскольку произошли на территории, подконтрольной «Роллинг-Сикстиз». А пятое – убийство Трумонта Стори – пришлось на следующую страницу. Его труп был найден на Серкл-парк, то есть в самой гуще владений «Семи троек».

Босх долго изучал карты, переворачивая страницу туда и обратно. Если принять версию Джорди Ганта, что тело Трумонта Стори было подброшено туда, где его обнаружили, то концентрация преступлений на крохотном в масштабах города участке весьма впечатляла. Шесть убийств, предположительно совершенных с помощью одного и того же пистолета! А началось все как раз с того случая, никак не вписывавшегося в общую картину. С убийства фотожурналистки Аннеке Йесперсен, погибшей так далеко от родного дома.

– Белоснежка... – прошептал Босх.

Он раскрыл папку с делом о ее убийстве и еще раз взгляделся в фото, увеличенное с пропуска, сиюсь понять, что она делала в том месте совершенно одна и почему с ней так поступили.

Он подтащил к себе черную коробку. Но стоило ему снять с нее крышку, как зазвонил его сотовый. Определился номер Ханны Стоун – женщины, с которой он поддерживал близкие отношения вот уже почти год.

– С днем рождения, Гарри!

– Кто тебе сказал?

– Одна маленькая птичка напела.

Конечно! Его дочь.

– Этой птичке лучше не совать клювик в чужие дела.

– А я как раз не считаю, что для нее это чужое дело. По-моему, она хочет, чтобы сегодня вечером ты принадлежал ей одной. Так, может, позволишь пригласить тебя на праздничный обед?

Босх взглянул на часы. Время близилось к полудню.

– Именно сегодня?

– Но ведь день рождения у тебя сегодня, верно? Я бы позвонила раньше, но групповой сеанс неожиданно затянулся. Ну так как? Тебе известно, что у нас здесь продают с лотков самые аппетитные тако⁸ во всем городе?

Босх подумал, что ему все равно необходимо поговорить с ней о визите в Сан-Квентин.

– Не знаю, насколько обоснованно это утверждение, но если не попаду в пробку, буду у тебя минут через двадцать.

– Отлично.

– До встречи.

Он отключил телефон и посмотрел на черную коробку на своем столе. Что ж, придется заняться ею после обеда.

Вместо лотка с тако они решили все же поискать столик в ресторане. Более или менее приличных заведений в Панорама-Сити никогда не было, и они поехали на Ван-Нуйс, где нашли места в подвальном кафетерии здания суда. Там тоже ничто не напоминало ресторан хорошего класса, но зато почти каждый день престарелый джазмен наигрывал что-то на стоявшем в углу кабинетном рояле. Это был один из маленьких городских секретов, известных Босху, и на Ханну он произвел нужное впечатление. Ей даже захотелось сесть поближе к музыканту.

Они заказали по тарелке супа и взяли один огромный сэндвич с индейкой на двоих. Музыка помогала заполнять неизбежные паузы в разговоре. Босх еще привыкал чувствовать себя комфортно в обществе Ханны. Он познакомился с ней, работая над одним из дел в прошлом году. Она была психотерапевтом и занималась людьми, совершившими преступления на сексуальной почве и уже отбывшими тюремный срок. Задачи перед ней стояли сложные, и она знала о темных сторонах жизни, пожалуй, не меньше самого Босха.

– Ты пропал на несколько дней, – сказала Ханна. – Чем занимался?

– Да все как обычно. Очередное расследование. Выясняю историю похождения блуждающего пистолета.

– То есть?

– Пытаюсь понять, как один и тот же пистолет, фигурирующий в нескольких убийствах, попадал из рук в руки. Самого оружия у нас нет, но в паре дел совпали данные баллистической экспертизы. Вот и отслеживаю перемещения пистолета во времени, по географическим точкам, ищу связи между жертвами и прочую информацию.

Он не стал вдаваться в подробности, да она их и не ожидала, зная, что на детальные вопросы о своей работе он все равно отвечать не станет.

Босх дождался, когда музыкант закончит исполнять мелодию «Настроения цвета индиго» и, откашлявшись, сказал:

– Вчера я встречался с твоим сыном, Ханна.

Он долго думал, как подвести ее к разговору поделикатнее, но так и не нашел подходящего начала. Ханна с таким резким звуком положила ложку в тарелку, что даже джазмен на мгновение оторвал пальцы от клавиатуры.

⁸ Традиционное мексиканское блюдо.

– Каким образом? – спросила она затем.

– Я ездил в Сан-Квентин по работе, – объяснил Босх. – Ну, той самой, где отслеживаю блуждающий пистолет. У меня там была назначена встреча. Когда я закончил, оставалось еще немного времени, и я попросил устроить мне свидание с твоим сыном. Мы провели с ним минут десять – пятнадцать, не больше. Я представился, и он ответил, что слышал обо мне. Оказывается, ты ему уже рассказала...

Ханна невидяще смотрела куда-то в пространство. Впрочем, Босх сразу понял, что сделал все неправильно. Нет, случившееся с ее сыном не было секретом или табу. Они часто и подолгу разговаривали о нем. Босх с самого начала знал, что он совершил преступление на сексуальной почве и попал в тюрьму, признавшись в изнасиловании. Это чуть не убило его мать, но она нашла в себе силы жить дальше, сменив направление работы. Прежде она занималась семейной психотерапией, а теперь взялась за преступников, подобных собственному сыну. Именно эта деятельность свела их с Босхом. И потому, откровенно радуясь ее появлению в своей жизни, он не мог не понимать всей горькой иронии судьбы, их сблизившей. Не соверши ее сын столь тяжкого преступления, Босх никогда не встретился бы с его матерью.

– Вероятно, мне следовало попросить у тебя разрешения, – сказал он. – Прости. Но я не знал заранее, останется ли у меня время для встречи с ним. Со всеми этими бюджетными сокращениями нам больше не позволяют двухдневных поездок с ночевкой. Нужно все сделать за один день, и потому не было никакой уверенности...

– Как он выглядит?

В вопросе отчетливо прозвучала материнская тревога за сына.

– По-моему, совсем неплохо. Я спросил, все ли у него в порядке, и он ответил, что да, все в норме. Мне не бросилось в глаза ничего, что могло бы вызвать беспокойство. Честное слово, Ханна.

Ее сын вынужден обитать в таком месте, где ты становился либо хищником, либо добычей. А парень не отличался физической мощью. Он даже изнасиловал свою жертву, подсыпав ей снотворное, а не взяв силой. В тюрьме об этом узнали. Его презирали и по любому поводу пытались унижить. Ханна не раз жаловалась Босху.

– Послушай, нам не обязательно продолжать этот разговор, – сказал он. – Я просто хотел, чтобы ты знала. Ничто не планировалось заранее. У меня осталось немного времени, я попросил о свидании, и мне его быстро организовали.

Она ответила не сразу, но потом заговорила порывисто и нервно:

– Нет, мы продолжим этот разговор, раз уж ты его начал. Я хочу знать обо всем, что он сказал, обо всем, что ты заметил. Он – мой сын, Гарри. Что бы он ни совершил, для меня он остается сыном.

Босх кивнул.

– Он просил передать, что очень тебя любит.

Глава пятая

Когда Босх вернулся с обеда, в помещении отдела нераскрытых преступлений уже вовсю кипела работа. Черная коробка стояла на столе, где он ее и оставил, а за вторым столом в одной с ним кабинке расположился его напарник, бегло стучавший по клавишам компьютера.

– Как жизнь, Гарри?

– Продолжается.

Босх сел на свое место, ожидая, что Чу заговорит о его дне рождения, но тот ничего не сказал. Мебель в их кабинке была расставлена так, что они работали, сидя спиной друг к другу. В старом здании «Паркер-центра», где фактически прошла вся профессиональная жизнь Босха, напарникам приходилось сидеть лицом к лицу. Новая организация пришлась ему по душе, хотя бы иногда создавая иллюзию уединения.

– Что в коробке? – донесся сзади голос Чу.

– Уличные карточки на «Роллинг-Сикстиз». Приходится цепляться за любую соломинку и надеяться на везение.

– Тогда удачи тебе.

Будучи напарниками, они занимались одними и теми же делами, но поначалу распределяли их между собой, объединяя усилия, только когда приходило время решительных действий вроде обысков и допросов подозреваемых. На аресты тоже никто не выезжал один. Подобным образом каждый брал на себя примерно равную долю работ, а по понедельникам за чашкой кофе они делились информацией о расследуемых делах. Но о результатах посещения Сан-Квентина Босх проинформировал Чу сразу по возвращении из Сан-Франциско.

Босх снова открыл коробку и со вздохом уставился на толстые пачки карточек уличных допросов. Если тщательно их просматривать, на это уйдет не только остаток дня, но и весь вечер. При необходимости Босх был готов к такой работе, но сказывался нетерпеливый характер. Он вытащил первую связку, размерами напоминавшую небольшой кирпич, бегло изучил ее и убедился, что карточки располагались в хронологическом порядке за все четыре года, обозначенные на коробке. И он посчитал логичным сосредоточить поначалу внимание на документах, датированных годом убийства Аннеке Йесперсен. Отложив в сторону карточки за 1992 год, Босх принялся за чтение.

На усвоение основной информации каждого протокола у него уходило не более десяти секунд. Имена, клички, адреса, номера водительских прав и прочие детали. Но патрульный часто заносил сюда же имена других персонажей, попадавших в поле зрения, только потому, что те сопровождали подозреваемого во время уличного допроса. Поэтому некоторые имена встретились Босху не один раз – то в качестве самого допрашиваемого, то как попутчики одного.

Если место проведения допроса или домашний адрес подозреваемого вызывали у Босха интерес, он сверялся с атласом городских улиц, где прежде отметил точки вероятных убийств, совершенных с помощью «Беретты-92». Прежде всего он искал адреса, наиболее близкие к местам преступлений. Их он выделил несколько, но связь оказалась в большинстве случаев слишком очевидной. Два убийства были совершены на перекрестках, где почти постоянно шла оживленная розничная торговля наркотиками. Понятно, что патрульные и офицеры отдела УБ часто проводили свои уличные допросы именно в таких местах.

И только после двух часов напряженного труда, когда уже начало сводить мышцы шеи и спины от монотонно повторяемых движений, Босх наткнулся на нечто произведшее на него эффект удара током. Девятого февраля 1992 года был заполнен протокол уличного допроса

на подростка, описанного как БГ, или «бейби-гангстер»⁹, из «Роллинг-Сикстиз», которого патруль остановил на углу Флоренс и Креншо, заподозрив в соучастии в грабеже. На его водительском удостоверении значилось имя Чарльза Уильяма Уошберна. В протоколе к тому же указывалась кличка: Мелкий-2. Он был действительно мелковат для своих шестнадцати лет, имея рост в пять футов и три дюйма. Но при этом на левом бицепсе уже успел обзавестись фирменной татуировкой «Роллинг-Сикстиз» – изображением могильной плиты с цифрой «60», что символизировало верность банде до гробовой доски. Но внимание Босха привлекло не это, а домашний адрес, переписанный полицейским с его прав. Чарльз Мелкий-2 Уошберн проживал на Западной Шестьдесят шестой улице, и, взглянув на карту, Босх обнаружил, что это один из домов, задние дворы которых выходят в проулок, где убили Аннеке Йесперсен.

Босх никогда не работал в подразделениях по борьбе с уличным бандитизмом, но ему приходилось расследовать совершенные бандами преступления. Он знал, что такое «бейби-гангстер». Как правило, это звание присваивали совсем еще мальчишкам, которых готовились принять в полноценные члены банды, но для начала подвергали обряду инициации. Членство в банде требовалось заслужить, доказав свою преданность каким-либо поступком, связанным с насилием, а порой и с убийством. Любой, за кем уже числилась «мокруха», получал вождельный статус вне очереди.

Босх откинулся в кресле, пытаясь немного размять затекшие мышцы. Теперь все его мысли занимал Чарльз Уошберн. В 1992 году он был как раз таким юнцом, искавшим возможности доказать, что достоин приема в банду. И менее чем через три месяца после того, как полицейские остановили и допросили его на углу Флоренс и Креншо, в этом районе вспыхивают массовые беспорядки, а фотожурналистку кто-то в упор расстреливает в проулке позади его дома.

Слишком странное совпадение, чтобы так просто от него отмахнуться. Он потянулся за папкой с делом об убийстве, которую двадцать лет назад завели сотрудники особого подразделения, расследовавшего преступления, совершенные во время беспорядков.

– Чу, не проверишь для меня одно имя? – спросил он, даже не повернувшись, чтобы взглянуть на напарника.

– Дай мне минуточку.

Чу умел работать на компьютере с молниеносной быстротой, в отличие от Босха, чьи навыки все еще оставляли желать много лучшего. Поэтому Чу по большей части брал на себя проверку имен подозреваемых по базе данных Национального центра криминалистической информации.

Босх листал страницы дела. Это трудно было назвать полноценным расследованием, но сыщики все же сумели опросить жителей домов, выходящих задом в проулок. Обнаружив список их обитателей, он стал просматривать фамилии.

– Так. Я готов. Кто тебя интересует? – сказал Чу.

– Чарльз Уильям Уошберн. Родился ноль четвертого, ноль седьмого, семьдесят пятого.

– Ого! «Рожденный Четвертого июля»¹⁰.

Босх услышал, как партнер быстро застучал по клавишам. Сам он тем временем нашел листок с отчетом о беседе с жителями дома по Западной Шестьдесят шестой улице, где обитал в то время Уошберн. Двадцатого июня 1992 года, через пятьдесят дней после убийства, детективы постучали в дверь дома и поговорили с Марион Уошберн, пятидесяти четырех лет от роду, и тридцатичетырехлетней Ритой Уошберн – матерью и дочерью, постоянно проживавшими по тому адресу. Никакой информацией об убийстве в проулке, совершенном 1

⁹ Самый младший из рангов в иерархии банд Лос-Анджелеса.

¹⁰ Название популярного кинофильма; 4 июля – День независимости США.

мая, женщины не располагали. Беседа оказалась краткой, предельно вежливой, а ее содержание уложилось всего в один абзац. О том, что в доме мог присутствовать представитель третьего поколения семьи, не упоминалось вообще. О шестнадцатилетнем Чарльзе Уошберне в отчете не было ни слова. Босх громко захлопнул папку с делом.

– Есть кое-что, – сообщил Чу.

На этот раз Босх развернулся вместе с креслом, чтобы увидеть перед собой спину напарника.

– Рассказывай. Дай мне хоть что-то. Мне это сейчас очень нужно.

– За Чарльзом Уильямом Уошберном, известным также как Мелкий-два (пишется не словом, а цифрой), тянется длинный шлейф приводов. В основном за наркоту и ограбления... Но проходил и по делу о пьяном вождении с ребенком в машине. Так, давай посмотрим. Две отсидки, хотя сейчас на свободе. В июле выписан новый ордер на задержание за уклонение от уплаты алиментов. Местонахождение неизвестно.

Чу повернулся и посмотрел на Босха.

– Что это за тип, Гарри?

– Некто, с кем мне хочется повидаться. Ты можешь все распечатать?

– Сделаю.

Чу отправил страницы с сайта НЦКИ со своего компьютера на общий для подразделения принтер. Босх набрал номер и связался с Джорди Гантом.

– Чарльз Уошберн по кличке Мелкий-два тебе знаком?

– Мелкий-два?... Гм, что-то припоминаю. Подожди секунду.

На линии воцарилась тишина, и Босху пришлось подождать, пока Гант снова возьмет трубку.

– Да, он попадает в наших текущих отчетах. Один из «Сикстиз», но принадлежит к самым низам пирамиды. Он точно не мог быть заказчиком убийств. Откуда ты взял это имя?

– Из твоей черной коробки. В девяносто втором он жил по другую сторону забора от места убийства Йесперсен. В то время ему было всего шестнадцать, и он, вероятно, пытался добиться, чтобы его приняли в банду.

Произнося свою фразу, Босх слышал, как щелкают кнопки клавиатуры. Гант продолжал поиск данных.

– На него выписан ордер сто двадцатым отделением в центре города, – сказал он наконец. – Чарльз не платит мамочке своего ребенка положенные ей деньги. В последний раз он числился по адресу на Шестьдесят шестой улице, но этим сведениям уже четыре года.

Босх прекрасно знал, что судебный ордер за неуплату алиментов беглым папашей в Южном Лос-Анджелесе никто не воспринимал всерьез. Едва ли люди из команды местного шерифа устроят за ним настоящую охоту, если дело не привлечет по каким-то причинам внимания прессы. Ордер мертвым грузом ляжет в базу данных и всплывет в следующий раз только при условии, что Уошберн попадет на более серьезном правонарушении. Но до тех пор он мог спокойно разгуливать на свободе.

– Попытаюсь нанести визит в его старое логово. Вдруг мне повезет, – сказал Босх.

– Тебе нужно прикрытие? – спросил Гант.

– Нет, с этим все в порядке. Но было бы неплохо немного осложнить ему жизнь. Натрави на него своих людей.

– Это мы можем. Я оповещу о Мелком-два кого следует. А тебе – удачной охоты, Гарри. Дай мне знать, если возьмешь его или понадобится помощь.

– Непременно.

Босх положил трубку и повернулся к Чу:

– Не хочешь немного прогуляться?

Чу кивнул, но без особого энтузиазма.

– К четырем вернемся? – спросил он.

– Трудно сказать. Если наш парень на месте, можем немного задержаться. Хочешь, чтобы я взял с собой кого-то другого?

– Нет, Гарри. Просто у меня есть еще одно дело.

Босх сразу вспомнил, что и ему дочь настрого запретила опаздывать к сегодняшнему ужину.

– Уж не любовное ли свидание? – подначил он напарника.

– Не важно. Поехали.

И Чу поднялся, готовый отправиться на край света, но не отвечать на вопросы о личной жизни.

Дом Уошбернов внешне походил на небольшое ранчо с абсолютно голой передней лужайкой и ржавым «фордом» на подъездной дорожке, стоявшим на бетонных блоках вместо колес. Прежде чем приблизиться к входу, Босх и Чу обошли квартал и определили, что западный угол заднего двора дома находится в каких-то двадцати футах от того места в проулке, где Аннеке Йесперсен поставили к стенке и расстреляли.

Босх громко постучал и шагнул в сторону на крыльце. Чу расположился у противоположного косяка. Дверь была снабжена стальной защитной решеткой, запертой на замок.

Вскоре дверь открыла женщина лет двадцати пяти, смотревшая на них сквозь прутья решетки. Рядом с ней стоял маленький мальчик, обвинивший ручонками бедро матери.

– Что вам нужно? – неприветливо спросила женщина, безошибочно вычислив в гостях полицейских. – Я копов не вызывала.

– Мы разыскиваем Чарльза Уошберна, мэм, – сказал Босх. – Этот адрес указан как его домашний. Он сейчас здесь?

Женщина неожиданно взвизгнула, и Босх не сразу понял, что она смеется.

– В чем дело, мэм?

– Это вы о Мелком? Это его вы величаете Чарльзом Уошберном?

– Да. Так он здесь или нет?

– А с чего ему быть здесь, скажите на милость? Вы совсем глупые, или как? Он задолжал мне деньги. Так откуда ему здесь быть? Если он явится сюда, то ему лучше сразу со мной рассчитаться.

Босх, конечно, все понимал. Он окинул взглядом мальчонку и снова посмотрел на его мать.

– Простите, как вас зовут?

– Латишия Сеттлз.

– А вашего сыночка?

– Чарльз-младший.

– А вы, случайно, не знаете, где может сейчас находиться Чарльз-старший? У нас ордер на его арест как раз за уклонение от выплаты вам алиментов. Потому мы его и разыскиваем.

– Наконец-то зашевелились, но что-то поздно. Как только я замечаю, что этот гад проезжает мимо, тут же звоню вашим людям, но еще ни разу никто не явился на вызов. И вот вы тут, а я, как назло, не видела этого недомерка уже месяца два.

– Тогда, быть может, вы что-то слышали, Латишия? Никто не говорил вам, что встречал его в округе?

Она покачала головой.

– Он куда-то запропастился.

– А что с его матерью и бабкой? Они когда-то здесь жили.

– Бабуля уже умерла, а мамаша давно уехала отсюда и живет теперь в Ланкастере.

– Чарльз навещает мать?

– Без понятия. Раньше он вроде ее проводывал на дни рождения и все такое. Но сейчас, хоть убейте, я даже не знаю, жив ли он вообще. А я не могу сводить сына к зубному или какому другому врачу, и ходит он всю жизнь в одних обносках.

Босх кивнул. «Настоящего отца у малыша никогда не было», – подумал он, вовсе не собираясь сообщать этой женщине, что они охотятся на Чарльза Уошберна совсем не потому, что тот отказывается содержать своего ребенка.

– Латишия, вы не будете возражать, если мы зайдем?

– Зачем это?

– Просто осмотреться и убедиться, что вы в безопасности.

Она потрясла железную решетку.

– Тут безопасно, можете не беспокоиться.

– Значит, войти нам нельзя?

– Нет. Охота мне, чтобы вы увидели, какой у меня дома бардак! Я не подготовилась к вашему приходу.

– Хорошо. А как насчет заднего двора? Мы можем его осмотреть?

Вопрос явно озадачил ее, но она пожала плечами.

– Валяйте. Но только там вы его все равно не найдете.

– Ворота запираются?

– Они сломаны.

– Понятно. Ну так мы пройдемся?

От крыльца Босх и Чу двинулись по дорожке, ведущей к боковой части дома и упирающейся в деревянную ограду. Чу пришлось поднять створку ворот, державшуюся на одной ржавой петле, чтобы они смогли пройти. Так они попали на задний двор, захлащенный старыми сломанными игрушками и предметами мебелировки. Валявшийся среди травы каркас посудомоечной машины напомнил Босху увиденное двадцать лет назад в проулке – нагромождение у стены уже негодной бытовой техники.

Левую сторону двора занимала стена бывшего магазина автопокрышек, выходявшего фасадом на Креншо. Но Босха интересовал главным образом забор, отделявший двор от проулка. Он оказался слишком высоким, чтобы через него можно было выглянуть наружу, и Босх подтащил к нему трехколесный велосипед с оторванным задним колесом.

– Поосторожнее с этим, Гарри, – предостерег Чу.

Но Босх уже встал одной ногой на седло велосипеда и подтянулся к верхней кромке забора. Ему открылся проулок и то место, где двадцать лет назад убили Аннеке Йесперсен.

Потом Босх спрыгнул на землю и пошел вдоль забора, проверяя на ощупь каждую доску, не окажется ли среди них сломанной или оторванной нарочно, чтобы через прореху можно было легко проникнуть внутрь двора или выбраться наружу. Он миновал две трети ограды, когда одна из досок под нажимом его руки поддалась. Босх остановился, взгляделся внимательнее и потянул доску на себя. Она не была прибита гвоздями ни к нижней, ни к верхней перекладинам забора и потому легко снималась, образуя щель дюймов в десять шириной.

Чу встал рядом, заинтересованный находкой.

– Человек не особо крупного телосложения мог бы легко проскользнуть в эту дыру и оказаться в проулке, – заметил он.

– И я подумал о том же, – отозвался Босх.

Это была констатация очевидного. Вопрос же заключался в том, расшаталась ли планка забора от старости в последнее время или служила потайным ходом в проулок Чарльзу Мелкому-2 Уошберну еще в шестнадцатилетнем возрасте, когда он искал возможности добиться полноправного членства в банде?

Босх попросил Чу снять проем в заборе на мобильный телефон. Позже он распечатает фото и приобщит к делу. Потом он вставил доску на место и вернулся к осмотру остальной территории двора. Он заметил, что Летишия Сеттлз стоит у открытой задней двери дома и наблюдает за ними через еще одну металлическую решетку. Она наверняка понимает, подумал Босх, что они пришли по душу ее бывшего муженька вовсе не потому, что тот не платит ей денег на ребенка.

Глава шестая

Когда Босх приехал домой, на столе уже красовался праздничный торт, а дочь возилась на кухне с ужином, поминутно сверяясь с поваренной книгой.

– Ух ты, как вкусно пахнет, – сказал он.

Под мышкой у него была папка с делом об убийстве Йесперсен.

– Держись подальше от кухни, – распорядилась дочь. – Отправляйся на террасу и жди, когда тебя позовут. А папку свою, будь любезен, положи на полку, по крайней мере до конца ужина. Кстати, можешь заодно и музыку включить.

– Слушаюсь, босс!

Стол в гостиной был сервирован на двоих. Положив папку в книжный шкаф, Босх включил музыкальный центр и выдвинул отсек для компакт-дисков. Дочь уже вставила туда пять его самых любимых исполнителей: Фрэнка Моргана, Джорджа Кейблса, Арта Пеппера, Рона Картера и Телониуса Монка. Нажав на кнопку воспроизведения, он вышел на террасу.

На столике в глиняной вазе для цветов, наполненной льдом, его дожидалась бутылка «Флэт тайер». Это его несколько удивило. Ему нравилось пиво, но дома он почти никогда не держал алкогольных напитков и точно помнил, что ничего не покупал в последнее время. Конечно, его дочь выглядела старше своих шестнадцати лет, но не настолько, чтобы ей продали пиво, не взглянув на дату рождения в водительских правах.

Откупорив бутылку, он сделал большой глоток. Холодная жидкость приятно защипала горло. Но еще приятнее было расслабиться наконец после долгого дня поисков пистолета и способа поимки Чарльза Уошберна.

В итоге план был составлен с помощью Джорди Ганта. Завтра утром на оперативках перед выездом на задания все патрульные и полицейские в штатском из южной части города получают копии фотографий Мелкого-2, объявленного приоритетным субъектом для задержания. Официальным предлогом станет все то же уклонение от уплаты алиментов, но, как только Уошберн окажется под арестом, Босха уведомят об этом и он отправится к нему, чтобы побеседовать совсем на другую тему.

Но рассчитывать только на удачу в розыске Босх не собирался. Много еще предстояло сделать ему самому. А потому, забыв про день рождения, он принес домой папку с делом, собираясь вновь тщательно изучить каждую страницу в поисках упоминаний Уошберна, как и любой другой ниточки, которую он не заметил прежде или забыл проверить.

Хотя теперь от первоначальных намерений приходилось отказаться. Дочь готовила особый ужин в честь его дня рождения, и только это было сейчас важно. Он представить себе не мог ничего более восхитительного в жизни, чем вечер, который можно провести с ней вдвоем.

Держа бутылку пива, Босх оглядел каньон, на краю которого прожил больше двадцати лет. Он давно наизусть знал каждый его изгиб, каждый цветовой оттенок камня. Ему был знаком постоянный легкий шум, доносившийся с проложенного по дну шоссе. Известна тропа, протоптанная койотами в глубь соседнего леса. Но крепче всего была собственная уверенность, что он никогда уже не покинет этого места. Ему на роду написано оставаться здесь до самого конца.

– Ну вот, все готово. Надеюсь, я ничего не испортила.

Босх обернулся. Мэдди открыла створку двери так, что он не услышал ни звука. Он улыбнулся, заметив, что она к тому же успела переодеться в подходящее для праздничной трапезы платье.

– Я весь – нетерпение, – сказал он.

Главное блюдо уже было подано к столу – свиные отбивные под яблочным соусом с запеченной картошкой. Торт домашней выпечки на время отодвинули в сторону.

– Очень хочу, чтобы тебе понравилось, – сказала Мэдди, усаживаясь за стол.

– Пахнет соблазнительно и выглядит великолепно, – одобрил Босх. – Уверен, мне понравится.

Он расплылся в широченной улыбке. Дочь ни разу не прикладывала столько стараний, хотя с тех пор, как переехала жить к нему, они уже отпраздновали два его дня рождения.

Мэдди подняла бокал, наполненный безалкогольным энергетическим напитком.

– За тебя, папа!

Он поднял бутылку с пивом, уже почти пустую.

– За вкусную еду, красивую музыку, а главное – за прекрасную компанию!

Они звонко чокнулись.

– Если хочешь еще пива, достань из холодильника, – сказала Мэдди.

– Откуда оно взялось?

– Не беспокойся. Я нашла способ.

Она заговорщицки прищурилась.

– Как раз это меня и волнует.

– Пап, не начинай, пожалуйста. Разве нельзя просто насладиться ужином, который я приготовила?

Он кивнул, решив оставить эту тему. На время.

– Конечно, можно.

Он взялся за еду, заметив, что как раз в этот момент из музыкального центра донеслись первые аккорды «Песни Хелен». Это была чудесная мелодия, Босх чувствовал любовь, вложенную в нее Джорджем Кейблсом, и давно проникся уверенностью, что Хелен – жена или возлюбленная музыканта.

В меру прожаренная свинина в сочетании с яблочной подливкой действительно оказалась отменной. Но он ошибся, решив, что для соуса дочь использовала полуфабрикат. На самом деле она не стала упрощать себе задачу. Нет, это была теплая мякоть настоящих яблок, запеченных сначала в духовке, как в ресторане «Дю-Парс» готовят начинку для яблочного пирога.

Улыбка вернулась на его лицо.

– Действительно очень вкусно, Мэдди. Спасибо.

– Подожди. Ты еще не пробовал торт. Он называется «Мраморный» и чем-то похож на тебя.

– В каком смысле?

– Ну, не в том, что он каменный, конечно. Но в нем чередуются темные и светлые слои. Мне кажется, это как твоя работа, как все, что ты видишь в жизни.

– Еще никто так философски не сравнивал мою жизнь с едой, – задумчиво сказал Босх. – Я – «мраморный» торт, подумать только!

Оба рассмеялись.

– А еще у меня есть для тебя подарки! – воскликнула Мэдди. – Я только не успела их красиво завернуть. Поэтому принесу чуть позже.

– Ты так много сделала для меня. Спасибо, милая.

– Ты делаешь для меня не меньше, папа.

Это и умилило его, и навеяло грустные мысли.

– Надеюсь, это так. Очень надеюсь.

Закончив с ужином, они решили устроить небольшой перерыв, прежде чем приступить к «мраморному» торту. Мэдди отправилась в свою комнату, чтобы упаковать подарки, а Босх

снял с полки папку с делом об убийстве. Пристроившись на диване, он заметил школьный рюкзак дочери, брошенный на пол под журнальный столик.

Отложить это до ночи, когда дочь уляжется в постель, или сделать прямо сейчас? Но на ночь она могла унести рюкзак в спальню, дверь которой запиралась.

И Босх решил, что тянуть не стоит. Наклонившись, он ухватился за рюкзак и расстегнул молнию на небольшом отделении в его передней части. Сверху лежал бумажник дочери. Босх его уже видел и знал, что дамских сумочек она не носит. Быстро открыв бумажник, на одной из сторон которого была вышита эмблема пацифистов, он осмотрел содержимое. Кредитная карточка, которую он завел ей для экстренных случаев, и водительское удостоверение оказались на месте. Босх проверил дату рождения на правах и убедился, что она указана верно. Еще там лежала пара чеков и дисконтных карточек из «Старбакса» и «Ай-Тьюнс» и рекламный буклет фруктового мороженого в торговом центре – купи десять и получи одно бесплатно.

– Папа, что ты делаешь?

Босх поднял взгляд. Его дочь стояла в дверях, держа в каждой руке по подарку. Она осталась верна «мраморному» мотиву. Оберточная бумага была разрисована черно-белыми спиралями.

– Я? Я... Просто хотел убедиться, достаточно ли у тебя денег, и увидел, что бумажник пуст.

– Я потратила все деньги на этот ужин. Это все из-за пива, верно?

– Детка, я только не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Когда ты подашь документы в академию, это тебе может сильно помешать, если...

– У меня нет фальшивого удостоверения личности, если ты об этом. Пиво по моей просьбе купила Ханна. Теперь доволен?

Она бросила подарки на стол, развернулась и скрылась в конце коридора. Босх услышал, как дверь ее комнаты с грохотом захлопнулась.

Подождав немного, он поднялся с дивана, прошел через коридор и осторожно постучал в дверь.

– Эй, Мэдди, перестань дуться! Ну извини меня. Давай съедим торт и забудем обо всем. Ответа не последовало. Он дернул за ручку, но дверь оказалась заперта.

– Прекрати, Мэдди! Открой. Я прошу прощения.

– Ешь свой торт сам!

– Не хочу есть его без тебя. Послушай, я действительно виноват. Но я – твой отец. Мне нужно присматривать за тобой и защищать. И я всего лишь хотел убедиться, что ты не рискуешь нарваться на ненужные проблемы, вот и все.

Молчание.

– Знаешь, получив права, ты стала значительно свободнее. Мне так нравилось возить тебя в торговый центр, а теперь ты едешь туда сама. Я хотел только узнать, не совершаешь ли ты по молодости ошибок, которые могут в будущем тебе навредить. Извини, если я сделал это неуклюже. Я прошу меня простить. О'кей?

– Я надеваю наушники и больше не услышу ни одного твоего слова. Спокойной тебе ночи.

Босх с трудом подавил искушение высадить дверь плечом. Вместо этого он прислонился к ней лбом и прислушался. До него донеслось лишь треньканье музыки из наушников.

Он вернулся в гостиную и снова уселся на диван. Затем взял мобильник и отправил дочери сообщение с извинениями, пользуясь принятым в полиции Лос-Анджелеса алфавитом. Он знал, что Мэдди сумеет прочитать его.

Питер
Роберт

Оливия
Стэнли
Томас
Индиго
Стэнли
Виктория
Оливия
Елена
Генри
Оливия
Генри
Лео
Уран
Питер
Оливия
Генри
Оливия
Оливия
Томас
Цапля
Анна

Босх подождал ответа, но телефон молчал, и он взялся за папку, вернувшись к работе, чтобы, погрузившись в дело Белоснежки, забыть на время о допущенном родительском промахе.

Самой объемной в уголовном деле была его хронология, поскольку сюда вносились отметки о каждом действии сыщиков, телефонных звонках и письменных запросах представителей общественности относительно хода расследования. ОПРБ установила в пешеходной зоне бульвара Креншо три рекламных щита, пытаясь привлечь внимание к нераскрытому убийству Йесперсен. Текст плаката сулил двадцать пять тысяч долларов за информацию, которая может привести к аресту и наказанию виновных. И сами плакаты, и в особенности соблазнительная сумма вызвали лавину телефонных звонков. Лишь малая часть из них диктовалась искренним желанием помочь, но гораздо больше было откровенно лживых сообщений и жалоб от местного населения, что полиция прикладывает столько усилий для раскрытия убийства белой женщины, хотя во время беспорядков насильственной смертью погибло значительно больше чернокожих и латиноамериканцев. Сотрудники ОПРБ, исправно отмечая дату и время каждого звонка, заносили в соседнюю графу краткий отчет о предпринятых действиях. При первом просмотре папки Босх лишь бегло пролистал эти страницы, но теперь, когда в расследовании появились первые конкретные имена, хотел внимательно изучить их и проверить, не всплывет ли какое-то в хронологии расследования.

В течение следующего часа он тщательно просмотрел десятки страниц. Ни на одной из них не фигурировали ни Чарльз Уошберн, ни Руфус Коулман, ни Трумонт Стори. Большая часть «информации» выглядела откровенно бесполезной, и Босх понимал, почему на нее никак не прореагировали. Несколько звонивших назвали конкретные имена подозреваемых, но следователи в ходе проверки установили непричастность этих лиц к преступлению. Нередко анонимные информаторы доносили на заведомо невиновных людей, зная, что полиции придется их допросить и, быть может, покопаться в личной жизни, а это всегда неприятно. Эдакое сведение мелких счетов, никак не связанное с убийством.

К тому времени, когда в 1993 году ОПРБ расформировали, а щиты сняли, поток звонков заметно оскудел. После передачи дела в участок на Семьдесят седьмой улице новые записи

в хронологии появлялись совсем редко. Звонили главным образом брат Аннеке Йесперсен – Хенрик – да еще несколько журналистов, интересовавшихся, нет ли у полиции новостей. Но вот одна из последних записей неожиданно зацепила внимание Босха.

Первого мая 2002 года, то есть как раз в десятую годовщину убийства, в хронологическом разделе был зафиксирован телефонный звонок мужчины, назвавшегося Алексом Уайтом. Имя и фамилия ни о чем Босху не говорили, но, судя по записи, звонил он с телефона, код которого начинался цифрами 209. Звонивший хотел знать, закрыто дело окончательно или еще нет.

Никаких других записей, прояснявших причину интереса Уайта к данному расследованию, сделано не было. Босх понятия не имел, кто он такой, но его заинтриговал телефонный код. Он не принадлежал ни одному из районов Лос-Анджелеса и вообще не был Босху знаком.

Гарри включил портативный компьютер, ввел цифры в поисковик и вскоре выяснил, что код 209 принадлежал округу Станислас в Центральной долине штата, располагавшегося в двухстах пятидесяти милях от Лос-Анджелеса.

Босх взглянул на часы. Было поздно, но еще не слишком. И он набрал номер, записанный вслед за именем Алекса Уайта в хронологии дела. Раздался всего один гудок, включился автоответчик, и приятный женский голос произнес:

«Здравствуйте. Вы позвонили в салон «Косгроув-трактор» – основного розничного продавца компании «Джон Дир» в долине. Наш адрес: Модесто, Крауз-Лэндинг-роуд, строение девяносто двенадцать. К нам удобнее всего добираться с хайвея Голден-стейт. Мы открыты с понедельника по субботу с девяти утра до шести часов вечера. Можете оставить сообщение после звукового сигнала, и один из представителей нашего отдела продаж свяжется с вами при первой же возможности».

Босх повесил трубку, не дожидаясь сигнала, решив, что позвонит завтра во время рабочего дня. Он догадывался, что магазин «Косгроув-трактор» скорее всего не имеет к звонку никакого отношения. В 2002 году номер мог принадлежать другой организации или даже частному лицу.

– Ты готов приступить к тарту?

Босх поднял глаза. Дочь покинула свое убежище в спальне. Но теперь на ней была длинная ночная сорочка, а нарядное платье, по всей вероятности, уже висело на своем месте в стенном шкафу.

– Конечно.

Закрыв папку с делом об убийстве, Босх положил ее на журнальный столик и поднялся с дивана. Он попытался обнять Мэдди, но она ловко ускользнула и направилась в кухню.

– Мне нужно принесли нож, десертные вилки и блюда.

Из кухни она крикнула, чтобы он открывал подарки, но Босх дождался возвращения дочери.

Пока она нарезала торт, он вскрыл длинную плоскую коробку, в которой не могло быть ничего, кроме галстука. Мэдди часто отпускала шпильки по адресу его набора галстуков – старых и бесцветных. Однажды она даже предположила, что отец подбирает их, взяв за образец детективные сериалы из эпохи черно-белого телевидения.

В коробке он обнаружил галстук с вручную нанесенным узором в синих, зеленых и пурпурных тонах.

– Просто загляденье, – объявил Босх. – Надену его завтра же.

Мэдди улыбнулась в ответ, а он взялся за второй подарок. Под оберткой оказалась коробка с шестью компакт-дисками. Это были сборники недавно выпущенных студийных записей Арта Пеппера.

– «Неизвестный Арт Пеппер. Диски один-шесть», – прочитал он на обложке. – Где ты это нашла?

– Через Интернет, – пояснила Мэдди. – Их можно купить только у его вдовы.

– Я никогда прежде не слышал этих его вещей.

– У нее даже есть своя небольшая фирма звукозаписи. Называется «Вдовый вкус».

Босх заметил, что в некоторых упаковках лежало по несколько дисков. Это было просто море музыки.

– Послушаем?

Но она лишь подала ему блюдо с куском «мраморного» торта и сказала:

– Я еще не сделала домашнее задание. Придется вернуться к себе. Но ты слушай сколько душе угодно.

– Начну прямо с номера один.

– Надеюсь, тебе понравится.

– Уверен на все сто: так и будет. Спасибо, Мэдди. Спасибо за все.

Он поставил блюдо и коробку с дисками на стол и потянулся, чтобы обнять ее. На этот раз она не стала ускользать от отца, и в тот момент он больше всего был благодарен ей именно за это.

Глава седьмая

В среду Босх добрался до своей рабочей кабинки рано утром, пока еще в комнате никого не было. Первым делом он перелил купленный по дороге кофе из картонного стакана в кружку, которую держал в одном из ящиков стола. Потом нацепил на нос очки для чтения и проверил, нет ли сообщений, в надежде услышать, что ему повезло и ночью успели задержать Чарльза Уошберна, дожидавшегося его теперь в «обезьяннике» полицейского участка на Семьдесят седьмой улице. Но ни на автоответчике телефона, ни в электронной почте не оказалось ничего нового о Мелком-2. Тот все еще обретался неизвестно где. Зато он обнаружил в компьютере ответ на свое письмо от брата Аннеке Йесперсен. Босха даже охватило легкое волнение, когда в строке «Тема» он узнал собственную формулировку: «О расследовании убийства вашей сестры».

Неделей ранее, когда эксперты по баллистике уведомили его, что гильза, найденная на месте гибели Йесперсен, была использована в пистолете, фигурировавшем еще в двух убийствах, дело из подготовительной стадии расследования автоматически перешло в активную. В таких случаях должностной обязанностью офицеров отдела нераскрытых преступлений было уведомить об этом членов семьи жертвы. Но для них это всегда оборачивалось лишней головной болью. Меньше всего детективам хотелось пробуждать в родных ложные надежды и без особой необходимости беречь старые душевные раны, нанесенные смертью близких людей. Первоначальное уведомление требовало особой деликатности, а значит, следовало выбрать наиболее подходящего из членов семьи и донести до него информацию в тщательно подобранных и осторожных выражениях.

Однако в деле Йесперсен Босху был известен лишь один родственник, живущий в Копенгагене. Ее брат Хенрик значился как единственный близкий ей человек, а в хронологии за 1999 год следователь записал его адрес электронной почты. По этому адресу Босх и послал свое письмо, понятия не имея, пользуется ли им брат покойной тринадцать лет спустя. Письмо не вернулось с отметкой о невозможности доставки, но и ответа на него не последовало. Через два дня Босх отправил письмо повторно. Оно снова осталось без ответа. Тогда он решил пока отложить эти попытки и занялся более насущным делом – подготовкой к встрече с Руфусом Коулманом в Сан-Квентине.

А вот сегодня одной из причин столь раннего приезда Босха в офис было именно желание установить номер телефона Хенрика Йесперсена и позвонить ему в Копенгаген при разнице во времени с Лос-Анджелесом в девять часов.

Но на сей раз Хенрик опередил Босха и прислал ответ, оказавшийся в его почтовом ящике в два часа ночи.

Уважаемый мистер Босх!

Спасибо за ваше письмо, которое по ошибке попало мой корзину спама. Но сейчас я восстановил его и спешу ответить. Спасибо вам и всей полиции Лос-Анджелеса за поиски убийца моей сестры. Мы все еще оплакивать смерть Аннеке, здесь в Копенгаген. Газета «БТ» где она работала установила бронзовый табличка в ее честь как храброго журналиста, который был настоящий герой. Надеюсь вы сумеете поймать плохих людей которые ее убивали. Если нам надо поговорить, то лучше пользоваться мой рабочий телефон в отеле где я работаю как директор.

00-45-25-14-63-69 – это номер чтобы звонить.

Надеюсь вы найдете убийцу. Для меня это очень важно. Мы с сестрой были близнецы. Я сильно по ней горевать.

Хенрик.

P.S. Аннеке Йеспersen не была в отпуске. Она работала над статьей.

Последнюю строчку Босх изучал особенно долго. Разумеется, Хенрик ошибочно написал «в отпуске» вместо «в отпуске». Постскрипtum явно был прямым ответом на нечто упомянутое в первоначальном письме Босха, которое он нашел под ответом из Дании.

Уважаемый господин Йеспersen!

Я – следователь из отдела по расследованию убийств полицейского управления Лос-Анджелеса. Мне было поручено продолжить следствие по делу об убийстве вашей сестры Аннеке Йеспersen 1 мая 1992 года. Мне не хотелось бы причинять вам беспокойство, как и усугублять ваше горе, но по служебной инструкции я обязан сообщить вам, что в настоящее время активно прорабатываю новые версии, появившиеся в деле. Заранее прошу меня извинить за то, что не владею вашим языком. Если вы знаете английский, пожалуйста, ответьте на это письмо или позвоните мне по любому из указанных ниже телефонных номеров.

Прошло 20 лет с тех пор, как ваша сестра приехала в отпуск в нашу страну и погибла, когда изменила свои планы и решила осветить охватившие Лос-Анджелес беспорядки для своей газеты в Копенгагене. Я считаю своим долгом довести расследование этого дела до конца и надеюсь, что мне это удастся. Спешу заверить вас, что сделаю все возможное, и рассчитываю поддерживать с вами постоянный контакт.

Босху сразу показалось, что «статья», упомянутая Хенриком, совершенно не обязательно была связана с погромами. Хенрик скорее имел в виду, что сестра прибыла в Соединенные Штаты, чтобы написать какой-то материал, но отклонилась от первоначального маршрута, когда грянули события в Лос-Анджелесе.

Однако все это не выходило за рамки толкования текста письма и интерпретации значения слов до тех пор, пока Босх не сможет поговорить с Хенриком напрямую. Бросив взгляд на настенные часы, он произвел нехитрые вычисления. Сейчас в Копенгагене начало пятого вечера. Шансы застать Хенрика в отеле достаточно реальны.

Но гостиничный клерк, ответивший на звонок, сообщил, что он все-таки разминутся с господином Йеспersenом, который, к сожалению, недавно ушел домой. Босх продиктовал свое имя и номер телефона, хотя никакого сообщения не оставил. Повесив трубку, он отправил Хенрику еще одно электронное письмо с просьбой позвонить как можно скорее в любое время дня и ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.